

ДЖОРДЖ РАЙТ
НИЖНИЙ ГОРОД

В разных местах это называют по-разному. Метрополитен. Метро. Труба. Подземка.

Одни станции похожи на великолепные дворцы. Другие больше напоминают облицованный кафелем общественный туалет. Одни, со многими платформами и уровнями, переплетенные сетью переходов, коридоров, лестниц и эскалаторов, представляют собой настоящий лабиринт. Другие имеют единственный вход, он же выход. Различаться может конструкция вагонов, график движения, плата за проезд, униформа персонала. Неизменно одно: метро вросло в плоть крупных городов, сеть его туннелей пронизала их от центра до самых отдаленных кварталов, подобно кровеносной системе - и играет ту же роль. Любой тромб, закупоривший отдельную линию, приводит к параличу целого района. Если подземка остановится полностью, жизнь в городе станет невозможна. И миллионы людей, ежедневно спускающиеся под землю через отверстия рты станций, чтобы стать частью текущих по туннелям потоков, давно привыкли к этому и воспринимают это, как должное. Во всяком случае, большинство из них.

Некоторые, однако, испытывают безотчетный страх.

В чем причина этого страха? В клаустрофобии? Но разве вагон подземки более тесен и замкнут, чем салон автобуса, офисное помещение или комната квартиры? В байках о прячущихся в туннелях крысах-мутантах, беглых маньяках или монстрах, которые время от времени публикует бульварная пресса самого низкого пошиба? Но разве кто-то воспринимает подобные листки всерьез? Наконец, в представлении о том, что под землей находится ад? Но ведь в наше время даже самый наивный верующий знает, что небеса в религиозном смысле - это вовсе не физическое небо, и до рая нельзя долететь на самолете или ракете, а значит, и в преисподнюю нельзя попасть через шахту или туннель метро. Так в чем же дело?

Работники нью-йоркского метро, как и любого другого, разумеется, с раздражением отмахнутся от подобных страхов. Подземка, скажут они вам - это самый безопасный транспорт. Аварии, тем более - с жертвами, здесь исключительно редки, не то что наверху, где кто-нибудь бьется каждый день. Что касается криминала, то сейчас, слава богу, не восьмидесятые, в подземке давно навели порядок. И даже если и случится что-то чрезвычайное, существуют четкие схемы и отработанные механизмы помощи и эвакуации пассажиров. А что касается якобы странных и необъяснимых случаев... то это полная чушь, и вообще, надо не забивать себе голову суеверной чепухой, а ознакомиться с реальными фактами.

Эти факты вам охотно изложат в Музее общественного транспорта на углу Шермерхорн Стрит и Боэрум Плэйс, или вы можете сами отыскать их в интернете. Нью-йоркская подземка - на первом месте в мире по общей длине маршрутов и на пятом по количеству пассажиров. В ней 468 действующих станций и 24 маршрута; общая протяженность путей, включая неиспользуемые для перевозки людей - 842 мили, что примерно равно расстоянию от Нью-Йорка до Джексонвилля во Флориде. В целом это весьма сложное хозяйство, которое новичку легко может показаться запутанным: современная городская подземка получилась в результате объединения трех ранее независимых систем метро, в результате чего в ней до сих пор ходят поезда двух разных типов, и одни маршруты обозначаются буквами, другие - цифрами; при этом поезда разных маршрутов ходят по одним и тем же линиям и наоборот - поезда одного маршрута, в зависимости от дня недели и времени суток, могут ходить по разным путям. Но в целом, работая 24 часа в сутки, нью-йоркская подземка ежедневно перевозит в среднем более четырех миллионов человек. Так что ее сотрудники - весьма занятые люди, делающие важное непростое дело, и, действительно, не стоит приставать к ним с глупыми вопросами.

Тем более что абсолютное большинство из этих миллионов, ежедневно спускающихся под землю, столь же благополучно возвращается на поверхность.

Абсолютное большинство, да.

Когда Тони Logan спустился на станцию "42 Стрит", время уже близилось к часу ночи. Настроение у Тони было препаршивым. Засиживаться на работе до полуночи вообще мало кому нравится, а уж когда это к тому же оказывается впустую... Накрывшийся компьютер похоронил работу нескольких дней (да-да, всех нас учат регулярно делать резервные копии, и все мы вспоминаем об этом, когда уже поздно), и все попытки все-таки восстановить информацию потерпели фиаско. Теперь проект точно не будет сдан в срок, а там... "А там, глядишь, засиживаться допоздна больше не придется", - мрачно подумал Logan. "Будет просто негде".

Погода тоже не радовала. Если с утра всю светил теплое сентябрьское солнце, и Тони легкомысленно выскочил из дома, не надев ничего теплее рубашки, то вечером натянуло тучи, а к ночи похолодало так, что Loganу пришлось чуть ли не бежать, чтобы согреться. Его офис находился почти что на берегу Хадсона, а на Мэнхэттене к югу от Центрального парка, как назло, нет ни одной станции подземки западнее Восьмой авеню; Тони нужен был маршрут Q, и обычно он в хорошую погоду шел пешком поверху до Таймс Сквэр, а в плохую ждал автобуса под крышей остановки, но сейчас оба варианта не вдохновляли, так что Logan был рад нырнуть в подземное тепло уже возле автовокзала, хотя это и означало, что придется прошагать под землей целый квартал, ориентируясь по многочисленным указателям. "Сорок вторая Стрит", где сходятся аж десять маршрутов - этот как раз и есть типичный пример станции, или, если угодно, станций, образующих сущий лабиринт, где, если бы не указатели, немудрено заблудиться.

Logan, находясь в расстроенных чувствах, не придавал должного значения последнему обстоятельству и пару раз промахивался мимо нужного выхода. В какой-то момент он с недоумением обнаружил себя в тупике; обернулся, повертел головой и заметил знакомые таблички - "Верхний город и Бронкс" и "Нижний город и Бруклин". Почему-то ни на той, ни на другой не было обозначений маршрутов. Рассудив, что их нету, поскольку все они, в каждую из сторон, ведут в одном направлении, Logan, которому было нужно в Бруклин, свернул налево.

Пройдя еще немного, он вышел к лестнице, увидевшей куда-то вниз, и начал спускаться, механически переставляя ноги. Мысленно он был все еще далеко от окружавшей его обстановки. Все же, когда под его ногой что-то неприятно хрустнуло, он обратил внимание, что лестница выглядит какой-то слишком уж пыльной и грязной. Словно... словно ей давно уже не пользовались. У Тони даже мелькнула мысль подняться назад и проверить, не миновал ли он, не заметив, какой-нибудь знак, возвещающий, что проход закрыт. Впрочем, сколько он себя помнил, в таких случаях всегда использовали нечто более солидное, чем просто надпись, которую легко не заметить - а именно, натянутую желтую ленту, стальной турникет, деревянный заборчик или иную преграду. Поскольку нью-йоркская подземка, как и весь город, никогда не спит, любые ремонтные или профилактические работы приходится выполнять на ходу; иногда ради них на какое-то время закрывают целую станцию, иногда - отдельный участок. Вот и здесь, решил Тони, должно быть, совсем недавно был ремонт, и мусор не успели убрать - хотя свежееотремонтированной лестница никак не выглядела... ну тогда наоборот - наверное, этот проход долгое время был закрыт, а сейчас его открыли из-за того, что закрыли на ремонт проход в другом месте.

Он спустился на платформу. На всем ее протяжении, насколько хватало глаз, не было ни одного человека. Должно быть, поезд только что ушел, с досадой подумал Logan. В такое время следующего придется ждать минут пятнадцать...

Но та ли это линия? Ходят ли отсюда поезда маршрута Q? Всего один путь справа от платформы... нет, это явно не то место, откуда он ездит обычно. Или все-таки открыли какой-то запасной путь, а он не обратил внимания на объявление об изменении сервиса? Вид у станции, на самом деле, не менее заброшенный, чем у лестницы, и освещена она как-то тускло... Часы над

платформой, однако, работали и показывали 12:55 пополудни. Нет, скорее все-таки он пропустил очередной указатель и спустился на какую-то другую линию. Тони подошел к табличке, висевшей над краем платформы. На ней не только не оказалось буквы или цифры маршрута, но пропало даже упоминание Бруклина. Надпись гласила просто "Нижний город".

Тони попытался припомнить, проходит ли через "Сорок вторую Стрит" маршрут, не идущий в Бруклин. Да, кажется, номер 1 заканчивается в нижнем Мэнхэттене... Выходит, он все-таки забрел не туда. Он уже сделал движение, чтобы развернуться обратно к лестнице, но в этот момент из туннеля показался поезд.

Логан даже вздрогнул от неожиданности: он привык к тому, что подходящий к станции поезд загодя извещает о себе шумом и светом фар, но этот появился в черном зеве туннеля как-то внезапно. Должно быть, там сразу крутой поворот, догадался Тони. А в следующий миг обрадованно различил на плоской морде переднего вагона большую букву Q в светящемся красном круге.

Да, наверное, все-таки какое-то временное изменение сервиса, из-за которого поезд подают к другой платформе. Поэтому и таблички не меняли. Ну да жителю Нью-Йорка к подобным вещам не привыкать.

Поезд остановился и открыл двери. Тони шагнул в кондиционированную прохладу и устроился на сиденье, лишь после этого обратив внимание, что в вагоне, кроме него, больше никого нет. Что ж - в час ночи это, наверное, не слишком удивительно, хотя обычно хоть паратройка попутчиков наличествует всегда, тем более здесь, в центре Мэнхэттена... И, кстати, вышел ли кто-нибудь на платформу хоть из одного вагона поезда? Кажется, нет... вот это уже действительно странно для такой оживленной станции, как "42 Стрит", даже ночью. Впрочем, Тони ведь сразу вошел внутрь, а не глазел по сторонам, дожидаясь выходящих пассажиров... Но, может быть, с этим поездом что-то не в порядке, и он идет напрямик в депо? Тогда почему он открыл двери? Ну, допустим, выпустить последних пассажиров, но не брать новых... Но об этом же должны были объявить, и по вагонам должен пройти служащий подземки, проверяя, все ли вышли...

Пока Тони размышлял об этом, двери закрылись, и поезд тронулся. Не хватало еще только, ко всем прочим сегодняшним неприятностям, приехать не домой, а в депо... Логан встал и, ухватившись за поручень, двинулся налево, к ближайшему концу вагона. Остановившись перед дверью, он принялся рассматривать сквозь два стекла вагон по соседству. Вроде бы там тоже было пусто, но не совсем. В дальнем конце ехал некий черный. Черный не только в смысле цвета кожи - совершенно черной была и вся его одежда. Черной и... какой-то взлохмаченной, что ли. Деталей Тони на таком расстоянии разглядеть не мог. Возможно, бездомный в каком-то рванье? Чаше всего нью-йоркские бездомные одеты довольно-таки прилично - не богато, конечно, но и не в расползающееся тряпье, хотя пару раз Логану доводилось встречать и вполне канонических нищих в лохмотьях; он подумал тогда, что они, должно быть, избрали такой облик из каких-то своих соображений, а вовсе не потому, что не знают ни одной благотворительной организации, бесплатно снабжающей бродяг вещами первой необходимости...

Ладно. Кем бы тот тип ни был, Логана успокоил тот факт, что в поезде есть и другие пассажиры. Он вернулся на прежнее место, устало закрыл глаза и принял расслабленную позу, намереваясь подремать. Ехать ему предстояло далеко, до самой "Шипсхед Бэй", так что он мог позволить себе заснуть на полчаса без риска проскочить свою остановку. Тем более что их объявляют, от чего обыкновенно просыпаешься и, убедившись, что еще рано, засыпаешь снова...

Объявляют? - шевельнулось в уже готовом уплыть в черную пучину мозгу Логана. Разве перед тем, как закрылись двери, он слышал классическую фразу, изрекаемую женским голосом

с пленки? "Это поезд Q в направлении Бруклина. Следующая остановка..." Нет, точно нет. Не все поезда нью-йоркской подземки оборудованы соответствующей автоматикой, но вот как раз маршрут Q оборудован. Должно быть, неисправность динамика. Где-нибудь отошел контакт...

Тони и в самом деле задремал. Снилось ему какая-то дрянь; он и во сне осознал, что едет в поезде, но туннель был не туннель, а что-то вроде гигантской кишки, и поезд не ехал по ней на колесах, а полз, конвульсивно сокращаясь и вытягиваясь. Полз неожиданно быстро для такого способа перемещения, но все же недостаточно - ибо следом за ним в липкой удушливой тьме двигалось *что-то еще*... двигалось, постепенно приближаясь. Тони не знал, что это, но знал, что если оно догонит, то... то... это будет ужаснее любой катастрофы, когда-либо случившейся в подземных туннелях. Намного, намного ужаснее... Он уже чувствовал *его* ледяное дыхание; ему хотелось кричать, но страх перехватил спазмом горло. А поезд - или чем он там был на самом деле - вместо того, чтобы рвануться к спасению, вдруг начал останавливаться, словно нарочно спеша отдаться настигавшей его безымянной жути...

Тони распахнул глаза и вскинул голову, склоненную на грудь. Поезд и в самом деле подходил к очередной станции. И в вагоне действительно было холодно. С кондиционером здесь определенно перестарались. Перейти, что ли, в соседний вагон? Хотя не факт, что там теплее... еще и сиденье придется греть заново. Тони нахохлился, пряча кисти рук под мышки.

Поезд встал. За спиной у Логана открылись двери. В окне напротив он видел столб, подпирающий потолок, за ним - погруженный во мрак встречный путь и позади него - уже едва различимую противоположную платформу. Что это за станция? Разобрать надпись на далекой стене было практически невозможно, и все же Тони показалось, что он видит цифру 8. "Восьмая Стрит - Нью-йоркский Университет"? Но ведь поезда Q там не останавливаются. Идущие по той же линии N и R - да, но не Q. Впрочем, если действительно произошло какое-то изменение сервиса... или все-таки он сел не на тот поезд? Но нет, пожалуй, это не Восьмая, там двузначное число. 28-я? Там Q тоже не останавливается, а главное, этот вертикальный штришок никак не может быть двойкой. "18-я Стрит"? Но она вообще где-то на красных линиях, а Q ходит по желтым...

Тони вскочил, желая выйти, пока этот поезд не завез его черт знает куда. Но двери уже закрылись. Он окинул взглядом салон в поисках непременно висящих в каждом вагоне схем подземки. Но их нигде не было. Вездесущая реклама на стенах была, а схем - не было. Электронных табло с указанием текущей станции, кстати, тоже.

Зато он обнаружил, что больше не один.

Ближе к противоположному концу вагона сидел ребенок. Кажется, это был мальчик, причем не старше девяти лет. Он был одет в курточку и вязанную шапочку - пожалуй, слишком тепло для сентября, даже учитывая вечернее похолодание. Но главное - что маленький ребенок делает один в подземке во втором часу ночи? О чем думают его родители, и есть ли они у него вообще?

Ребенок сидел неподвижно, возможно, тоже спал. Его шапка была натянута так низко, что, кажется, закрывала глаза, а подбородок прятался в воротнике куртки. Логан задумался, надо ли ему вмешиваться. Возможно, мальчик потерялся или убежал из дома. С другой стороны, не хотелось лишней возни, если придется вызывать полицию или кого там положено в таких случаях. Опять же, современные дети, которых учат держаться как можно дальше от незнакомцев... заявит такой вот тихоня, мол, "этот дядька ко мне приставал", и доказывай потом...

Ладно. Он просто спросит у мальчика, не нужна ли тому помощь.

Тони прошел по вагону, то и дело хватаясь за поручень (и что ж это так трясет? никогда он не помнил на этой линии такой тряски), и остановился напротив ребенка.

- Эй, парень! - не слишком громко, чтобы не напугать, окликнул он. - У тебя все в порядке?

Тот не ответил и вообще никак не прореагировал. Сверху Тони совершенно не видел его лица - только шапку, из-под которой торчал тонкий острый нос, похожий на птичий клюв. И что-то в этом носе было... неправильное. Отталкивающее.

Логан присел на корточки перед безмолвным ребенком, придерживаясь рукой за свободное сиденье слева от него. Даже в такой позиции Тони практически не видел лица, скрытого шапкой и воротником. Только костяной белизны нос-клюв, загнутый книзу, и резко выступающие скулы, под которыми залегли глубокие тени. Кажется, мальчик был очень худ, едва ли не изможден.

Тони вновь окликнул его, но ребенок по-прежнему не шевелился и никак не показывал, что слышит. Логан почувствовал, что это молчание странного ребенка в пустом ночном поезде навеивает на него жуть. Больше всего ему хотелось встать и уйти... даже не на свое прежнее место, а в другой вагон. Тем не менее, он протянул руку и, пробормотав "не бойся, я только хочу взглянуть, все ли с тобой в порядке", стянул с мальчика шапку.

И оторопело замер с открытым ртом.

Голова оказалась почти совершенно лысой, лишь кое-где, словно пятна плесени, на ней белел клочьями невесомый седой пушок. Грибообразный череп обтягивала сухая кожа, вся в старческих пигментных пятнах и такая тонкая, что, казалось, вот-вот порвется; под ней рельефно выступали узловатые голубые вены. Неестественно большой, выдававшийся вперед двумя буграми лоб нависал над маленьким сморщенным личиком, собравшимся в складки вокруг провалившегося рта и глубоко запавших глаз. Эти глаза, мутные больные глаза дряхлого старика, были открыты и смотрели прямо на Логана, не двигаясь и не моргая.

- Из-звините, - пробормотал Тони, положил шапку на колени сидевшему и поспешно выпрямился. Оставаться здесь ему было неловко, и он и в самом деле решил перейти в следующий вагон. Проигнорировав знак, запрещающий переход на ходу, он раздвинул двери и шагнул в межвагонное пространство. Грохот туннеля оглушил его, а холодный ветер зло рванул волосы и рубашку; лязгающий металл двух узких полукруглых площадок ходил ходуном под ногами, словно задавшись целью сбросить нарушителя на рельсы, а низко провисшие мягкие поручни по бокам едва ли могли этому воспрепятствовать. Тони поспешно схватился на ручку двери перед собой и попытался повернуть ее, но дверь и не подумала открыться. В приступе мгновенной паники Логану примерещилось, что вернуться назад он тоже не сможет, и придется ему так и ехать между вагонами до ближайшей станции... это еще в лучшем случае. Он снова отчаянно задергал ручку, и на сей раз дверь поддалась - в первый раз он просто потянул не в ту сторону, потому что предыдущая ручка была на левой двери, а эта - на правой, понял Тони, шагая в новый вагон.

Здесь тоже никого не было. Ну и ладно, лучше никаких попутчиков, чем... А ведь этот маленький уродец, кажется, и в самом деле ребенок, а не старый карлик, подумал Логан. Есть какая-то такая болезнь... кажется, генетическая...

Тогда все-таки надо поставить в известность машиниста. Тяжелобольной ребенок ночью один и, похоже, еще и в полной прострации...

Тони подошел к переговорному устройству и нажал кнопку. Никакой голос не ответил ему, но из динамика послышался легкий шум, показывая, что связь установлена.

- Тут... то есть не тут, а в соседнем вагоне, старичок... то есть, я хотел сказать, мальчик, больной преждевременным старением... - сбивчиво начал Тони. А что, кстати, если машинист не слышал о такой болезни и решит, что его разыгрывают? - В общем, мне кажется, тут человеку нужна помощь... Вы меня слышите? Алло?

Ему по-прежнему никто не отвечал. Однако из динамика доносились... звуки. В первый момент Тони решил, что это просто помехи. Но нет, это не походило на обычные электрические шумы и потрескивания. Скорее такое звук могло издавать что-то влажное... липкое... слизистое... если оно медленно шевелится, то разлепляясь, то слипаясь снова.

- Алло? - крикнул Логан еще раз, но в ответ раздавались лишь те же самые звуки.

"Все-таки помехи", - сказал себе Тони. "Эта чертова штука неисправна".

Да что вообще работает в этом поезде?!

Схем подземки и текущего маршрута, похоже, не было и в этом вагоне. Только наклеенная между окнами реклама. Что здесь, кстати, рекламируют? Логан давно привык не обращать на плакаты в вагонах внимания, не скользя по ним взглядом даже со скуки, но теперь ему вдруг стало любопытно. Он посмотрел на ближайший постер.

"ВЫСТАВКА ТРУПОВ"

Тони даже вздрогнул, когда его взгляд уперся в крупные буквы. Затем вспомнил, что слышал об этой выставке. Ее создатель - какой-то германский патологоанатом, который и в самом деле соорудил масштабную экспозицию из законсервированных человеческих тел, демонстрируя их в различных позах и разрезах, целиком и по частям, показывая, как устроены мышцы, сухожилия, внутренние органы... Наверное, и впрямь познавательно, особенно для студентов-медиков, но Логан категорически не был любителем подобных зрелищ и не пошел бы туда, даже если бы деньги за вход не брали, а давали. Еще раз неприязненно покосившись на плакат, завлекавший цветным изображением беременной женщины без кожи, со вскрытым животом, где в распяленном кольце рассеченной матки помещался разрезанный вдоль ребенок (и как только разномастные борцы не то за, не то против абортотворцев не подняли вой?), Тони брезгливо поморщился и пошел по салону дальше.

Его взгляд равнодушно скользнул по следующему плакату, намозолившему глаза, наверное, каждому пассажиру нью-йоркской подземки. Схематичная красная фигурка, борющаяся с закрывающимися вагонными дверями. "Придержите ваше желание придержать двери. Дождитесь следующего поезда." И что-то там еще про то, что вы заставляете ждать всех и про количество поездов, которые регулярно опаздывают из-за таких несознательных пассажиров... Ага, конечно. Кто бы возражал, если бы следующего поезда не приходилось ждать, в лучшем случае, минут десять, а то и больше. Нет уж, пусть лучше все опоздают на несколько секунд, чем я - на четверть часа.

Тони уже собирался пройти мимо, но что-то заставило его вновь обернуться. Что-то было не так с этим плакатом. И в следующий момент он понял, что именно.

Голова красной фигурки была уже почти полностью отрезана дверями. Вокруг разлетались брызги крови. Кровь стекала и по смыкающимся краям дверей, превратившихся в подобие гильотины.

М-да. Похоже, кто-то понял, что старая агитация не работает, и решил усилить эмоциональное воздействие на зрителя. Хотя, конечно, реальные двери вагонов подземки на такое не способны...

Кстати, реклама выставки тоже отличалась от обычной, понял Логан. Во-первых, эта испорченная женщина вместо жизнерадостных мертвецов-спортсменов. Во-вторых, название было немного другим. Кажется, та выставка называлась "Тела", а не "Трупы". Ну да, впрочем, какая разница, если речь идет об одном и том же?

В этот миг поезд начал резкое торможение, и Логан, промахнувшись рукой мимо поручня, неуклюже шлепнулся на сиденье. Мимо окон пробежали тускло освещенные цифры "14" на нагрудных щитах у орлов. "Четырнадцатая Стрит"? Значит, предыдущая точно не была Восьмой. На "14-й Стрит" поезда Q определенно останавливаются, но этих орлов Логан не мог

припомнить. Впрочем, он всегда проезжал мимо этой станции и никогда к ней не приглядывался. Хотя с ней, кажется, была связана какая-то скверная история... ну да, крупная катастрофа с жертвами в начале девяностых. Тони тогда еще ходил в младшую школу в Коннектикуте, но помнил, как отец с матерью обсуждали эту аварию. Точнее, даже не ее саму, а то, что машинисту за нее дали пятнадцать лет тюрьмы. Сейчас он, стало быть, уже освобожден...

Двери открылись, и Тони услышал приближающийся стук каблучков. Точнее, одного каблучка; затем следовала краткая пауза и медленное шарканье, а потом новое отрывистое цоканье. Логан повернул голову и увидел входившую в вагон девушку. Ну да, разумеется - бедолага сломала каблук и теперь хромала, подволакивая ногу. Почему-то она держала правую ступню - ту, что лишилась подпорки - боком, ставя ее на ребро, а не на носок, словно нога была подвернута и никак не могла вернуться в нормальное положение. Что, конечно же, было исключено - в этом случае любая попытка перенести на нее вес тела, усиливая растяжение, вызывала бы жуткую боль.

В остальном, впрочем, девушка была вполне обычной - точнее даже, привлекательной. Стройная, в легкой летней блузке с миниюбкой (не иначе, тоже выскочила из дома, поверив утреннему солнышку, сочувственно подумал Тони), длинные каштановые волосы - прямые, чуть завитые на концах, симпатичный профиль. Она прошла своей хромающей походкой мимо Логана и села напротив наискосок от него. Теперь он заметил, что, если справа ее волосы проходили за ухом, то слева, наоборот, нависали на лицо, практически скрывая глаз и щеку.

- Простите, мисс, - окликнул ее Тони, - это ведь поезд Q?

Девушка ничего не ответила и даже не взглянула в его сторону. Двери закрылись, и поезд тронулся.

"Небось, решила, что я пытаюсь завязать знакомство, - подумал Логан. - Потому и игнорирует. В самом деле, если вдуматься, вопрос звучит глупо: человек, уже едущий в поезде, спрашивает только что вошедшего, какой это маршрут. Ладно бы еще наоборот..."

Все же Логан чувствовал себя в этом поезде все более неуютно, и желание поговорить с нормальным человеком оказалось сильнее мысли о возможной негативной реакции. "Ну что она сделает, в конце концов - вызовет полицию через переговорник? Хм, пусть попробует, - мысленно усмехнулся Тони. - Хотя может, конечно, достать электрошокер... если не пистолет..."

В итоге он избрал компромиссный вариант: не стал подсаживаться к незнакомке, а лишь передвинулся по сиденьям вправо, чтобы оказаться напротив нее.

- Извините за беспокойство, - произнес он как можно вежливее, - но это действительно какой-то странный поезд. Здесь нет схем и не объявляют остановки. Когда я сел, мне показалось, что это Q, но теперь я не уверен. Я не узнаю станций. Какое-то изменение сервиса? И что, кстати, с электричеством, вы не знаете? Почему станции так плохо освещены? Очередная экономия бюджета? Видите ли, я редко езжу так поздно, но мне казалось...

Девушка по-прежнему молчала и никак не реагировала. Точь-в-точь как тот ребенок-старик. Длинные волосы, закрывавшие левую половину ее лица, слегка покачивались в такт движению вагона. "А может быть, она глухонемая?" - подумал Тони. Впрочем, глухонемые обычно умеют читать по губам...

Ладно. Раз она предпочитает его игнорировать, у него нет права навязываться. А сам он выйдет на следующей остановке. Выйдет и дождется нормального поезда, сколько бы ни пришлось ждать.

Тем не менее, девушка смотрела на него единственным открытым глазом. Возможно, ожидала, что он скажет или сделает дальше. Тони, чувствуя, что пялиться на нее в ответ было бы невежливо, пробормотал "ладно, извините" и отвел взгляд. Но, несколько раз поглядев по

сторонам ("ВЫСТАВКА ТРУПОВ!"), он почувствовал, что она все так же смотрит на него. Не выжидательно, не разгневанно, даже не завлекающе. Просто смотрит. И было нечто противоестественное в этом взгляде. Нечто, от чего Логану еще более сделалось не по себе. Она не моргает, понял Тони. Она ни разу не моргнула...

Пересилив себя (и почему так трудно смотреть в глаза незнакомцу?), он снова перевел взгляд на ее лицо. И тут же понял, что у него просто разыгралось воображение. Правый глаз незнакомки был закрыт. Вероятно, она тоже решила поспать до своей остановки...

Хотя прежде Логану не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь спал, сидя с идеально прямой спиной, не запрокинув голову и не уронив ее на грудь.

И он ощутил иррациональную уверенность, что ее левый глаз отнюдь не закрыт, а внимательно следит за ним из-под свисающих волос.

Повинуясь безотчетному порыву, он отодвинулся на свое прежнее место, чтобы оказаться подальше от этого взгляда. Он был почти уверен, что она повернет голову следом за ним. Но безмолвная попутчица осталась сидеть, как сидела.

Поезд вновь начал резко тормозить перед станцией. Тони приготовился встать, как только тот остановится. Но девушка опередила его. Не обращая внимания на инерцию, которая, казалось, должна была повалить ее - особенно учитывая нынешнюю неустойчивость ее походки - она, все так же подволакивая повернутую ногу, двинулась в сторону Тони. Тот замер, глядя на нее с совершенно иррациональным страхом. Однако девушка прошла мимо него и повернулась к дверям, очевидно, собираясь выходить.

Показалось ему, или ее правый глаз и в самом деле так и оставался закрыт?

Сейчас Тони уже не мог ответить на этот вопрос, потому что девушка стояла к нему левым профилем, который по-прежнему был скрыт волосами.

Поезд замер, и двери раскрылись. Девушка шагнула на платформу, и в тот же миг ветер из туннеля, ворвавшийся в вагон, на миг отбросил ее волосы.

Спазм перехватил Логану горло.

Он увидел сырое мясо... мокрое, бесформенное, сочащееся сукровицей... яму с рваными краями, из которой свисали какие-то лохмотья, на месте глаза... голые десны и зубы там, где должна была быть щека... болтающуюся оторванную губу, похожую на жирного дохлого червя...

Все это длилось меньше секунды. В следующее мгновение ночная пассажирка была уже на платформе. И никакая сила на свете не заставила бы Тони за ней последовать.

"Ты не видел это, - сказал он себе. - У нее просто, ну, родимое пятно во всю щеку. Очень уродливое родимое пятно. Поэтому она и носит так волосы. А все остальное ты просто домыслил. Господи, да за такой краткий миг просто нельзя было разглядеть таких подробностей!"

И тем не менее, он остался сидеть, как приклеенный. Он все еще слышал удаляющиеся цокающе-шаркающие звуки.

Двери захлопнулись. Мимо окон проплыли грязные, тускло освещенные буквы: "Миртл Аве".

Что за черт? Миртл Авеню находится в северном Бруклине. Никаких остановок, относящихся хоть к маршруту Q, хоть к параллельным ему, на ней нет. Хотя вроде бы дальше к востоку все же есть станция подземки, принадлежащая коричневым маршрутам (карту! полцарства за карту!) - но, главное, если это уже Бруклин, то поезд должен был пройти по мосту! По Мэнхэттенскому или, на худой конец, по Вильямсбургскому, если это и впрямь "коричневая" станция. Но Тони мог поклясться, что поезд все время оставался под землей. Все-таки даже ночью ошибиться на этот счет невозможно. Нет, пересечь Ист-ривер, конечно, можно и по туннелю, но те маршруты точно не проходят ни через какую Миртл...

Это какой-то дурной сон, подумал Тони. Я уснул в поезде подземки, и мне снится кошмар...

Проснуться, однако, не получалось. И, словно желая доказать свою реальность, поезд в очередной раз принялся резко тормозить, чуть не повалив Логана на сиденье. На сей раз перегон оказался совсем коротким.

"С ума он там, что ли, сошел?" - зло подумал Тони про машиниста. "Почему он все время так тормозит?!"

А что, если и впрямь сошел, мелькнула следом дикая мысль. Спятивший машинист гонит состав неведомо куда, не считаясь с маршрутами и расписанием... Впрочем, даже безумец не может ехать там, где не проложены рельсы.

Но уже в следующий момент Тони с облегчением прочитал название очередной станции: "Де Кальб Аве".

Ну наконец-то. Значит, все-таки Бруклин, и неважно, как он сюда прибыл - на "Де Кальб Авеню" сходятся пять штук маршрутов, и здесь он переседет на нормальный Q. Тони едва дождался, пока двери откроются, и выскочил на платформу.

Он успел сделать несколько шагов. Успел обратить внимание, что платформа пуста, и на ней повсюду валяется мусор. Успел заметить указатель "Нижний город", хотя в Бруклине так уже не пишут...

А затем на станции погас свет.

Тони замер. Затем повернулся в сторону поезда - тот все еще стоял на месте, освещенный изнутри, с гостеприимно распахнутыми дверями. Странное дело, но свет из окон почему-то совершенно не рассеивал окружающий мрак.

"Ну уж нет", - мысленно сказал Логан поджидавшему его поезду и зашагал в темноту, вытянув руку вперед. Пока он мог видеть поезд сбоку от себя, он был уверен, что не свалится с платформы. Даже если на станции что-то случилось с электричеством, где-то здесь должна быть лестница... он ее видел, пока свет еще горел...

Его рука уперлась во что-то мягкое.

Точнее, в кого-то. Логан понял, что ощупывает стоящего перед ним человека, одетого, кажется, во что-то шерстяное.

- Извините, - смущенно пробормотал Тони, поспешно отдергивая руку. - Не знаете, что у них творится с электричеством? И где здесь лестница?

Человек ничего не ответил. Кажется, он даже не пошевелился.

И тут Тони сообразил, что еще считанные секунды назад на платформе никого не было. И никаких шагов он не слышал.

Логан попятился.

А затем из темноты пришли звуки. Нет, не оттуда, где стоял некто безмолвный. С другой стороны. Тяжелое дыхание и звук, с каким по каменному полу волокут тело. И эти звуки приближались.

Тони повернулся и бросился к открытым дверям ближайшего вагона. Ему очень явственно представилось, что вот как раз сейчас эти двери закроются. Он не успеет лишь на долю секунды. Долю, еще достаточную для того, чтобы просунуть голову между закрывающимися дверями... и испытать то же, что и красная фигурка на плакате. Этот резко взметнувшийся страх был так силен, что, уже добежав до дверей, Тони едва не отпрянул назад. Но все же заставил себя вскочить в вагон, чувствуя себя в этот миг, словно при прыжке с одной крыши многоэтажного дома на другую. С большим облегчением он упал на ближайшее сиденье.

"Ну и чего ты испугался?" - осведомился здравый смысл, как обычно, включившийся позже инстинкта. "На станции авария, наверное, рабочие просто тащат кабель или что-то вроде

этого."

Да, наверняка именно так.

Но почему эти рабочие в темноте не пользуются фонарями?

А еще Тони понял, что все еще слышит эти звуки, и они опять становятся ближе. Теперь он уже молил двери, чтобы те скорее закрылись. Но те по-прежнему оставались нараспашку.

А затем Логан увидел, как в вагон вползает человек.

Он сопел и пыхтел, но полз весьма шустро, отталкиваясь руками от пола. Полз, не поднимая головы, так что его лица Тони не мог разглядеть. Только блестящую плешь на затылке и грязный серый пиджак, топорщившийся на спине.

А когда человек заполз в вагон чуть более чем по поясу, двери захлопнулись и отрубили ему ноги по самый пах.

Поезд тронулся. Тони закричал.

Искалеченный развернулся в проходе и пополз прямо по направлению к нему.

Крови не было. Ни на полу, ни на том, что осталось от брюк ползущего. На дверях, кажется, тоже, хотя Логану, сидевшему спиной к погруженной вот тьму платформе, было трудно разглядеть их с такого ракурса. Он понял, что в очередной раз стал жертвой собственного воображения. Ноги не были отрублены только что, их у этого человека не было давно...

Если только это вообще человек.

Тони в ужасе смотрел на этот обрубок, проворно ползущий по проходу между сиденьями. Он не мог представить себе инвалида, который стал бы вести себя таким образом. То есть у себя дома, случайно свалившись с кресла или кровати - конечно, у безногого нет другого выхода, кроме как ползти по полу на руках. Но в публичном месте, в подземке, а до того, очевидно, на улице, иначе как он сюда попал?! Самое жуткое впечатление производило то, что ползущий даже не поднимал головы и едва ли не елозил лицом по грязному полу...

Словно услышав его мысли, лысый урод, которого отделяло от Логана уже не больше полутора ярдов, начал поднимать голову.

Но прежде, чем оцепеневший от ужаса Тони успел увидеть его лицо, свет погас уже в поезде, погрузив вагоны в абсолютную тьму подземелья.

Тони не выдержал. Он вскочил и вслепую бросился бежать прочь по проходу, слыша за спиной все те же звуки волочащегося тела. Его вытянутая вперед рука наткнулась на дверь в конце вагона. В панике он не смог нащупать ручку и принялся слепо шарить по стеклу и пластику. Звуки сзади приближались все так же проворно, и в тот момент, когда Тони понял, что сейчас его схватят за лодыжку, его пальцы все-таки поймали ручку, и та со щелчком поддалась. Тони вновь очутился в грохочущем, продуваемом ледяным ветром межвагонном пространстве - но на этот раз еще и в полной темноте. Теперь он двигался в противоположную сторону - не к голове, а к хвосту поезда. И тут очередной, особенно резкий бросок раскачивавшихся на стыках вагонов лишил его равновесия, выбивая опору из-под ног! Но, к счастью, уже падая во тьму, Тони сумел судорожно ухватиться за невидимый боковой поручень; несколько секунд он простоял, рефлекторно вцепившись в поручень обеими руками и одновременно боясь услышать звук открывающейся двери за спиной. Затем Логан сообразил, что безногий с пола просто не дотянется до ручки, и почувствовал себя несколько уверенней. Настолько, что сумел отцепить правую руку. Со второй или третьей попытки поймав в темноте ходящую туда-сюда ручку второй двери, он вошел в вагон.

Ему все же хотелось оказаться как можно дальше от... того существа, и он, растопырив поднятые руки и хватаясь то за левый, то за правый поручень, дошагал почти до конца. Ничто ему не помешало. Наконец он повернулся и плюхнулся на сиденье - которого не видел, но был

уверен, что оно пусто. На сей раз интуиция его не обманула.

Он вновь попытался призвать на помощь здравый смысл - хотя сейчас, в темноте, это получалось особенно скверно. Стыдно было бежать от несчастного калеки, сказал себе Тони. Может, ему просто нужна была помощь... Вот только почему он о ней не попросил? У него нет не только ног, но и языка?

А что, если этот инвалид просто пьяный? Или психически больной? В любом случае - какой вред может причинить полному сил и здоровья парню извивающийся на полу безногий?

Но тут сквозь эти разумные рассуждения прорвалось осознание еще одного источника дискомфорта, помимо темноты и неизвестности. Запах. Тони отчетливо чувствовал какую-то не то чтобы очень сильную, но тяжелую, словно бы даже жирную вонь. Окажись она посильнее, его бы наверняка вывернуло наизнанку.

Несколько раз подозрительно втянув носом воздух, он понял, что запах исходит от него самого.

Точнее говоря, как понял он, торопливо обнюхивая себя - от его руки. Той самой, которой он наткнулся на кого-то в темноте. Ему показалось, что пальцы до сих пор покрыты какой-то грязью. Слизкой и тухлой, судя по запаху.

Впрочем, не обязательно дело в том типе. Вполне возможно, что липкой гадостью были вымазаны поручни или ручки дверей, за которые он хватался.

Тони принялся брезгливо тереть руку о соседнее сиденье. Хотя твердый холодный пластик плохо годился на роль полотенца...

"Во всяком случае, это не сон", - мрачно подумал Логан, держа руку на отлете. "Слишком ярко и отчетливы все ощущения". Он не помнил, чтобы когда-нибудь во сне ему удавалось различать запахи, да и осязание в сновидениях всегда было сильно притуплено. Все еще чуя тухлятину - и надеясь, что теперь запах в большей мере все же исходит от сиденья - он поднялся, вытянув руки, в темноте пересек наискосок проход и уселся, кажется, теперь уже на сиденье в самом конце вагона.

Это решило проблему лишь отчасти.

Принюхавшись, он снова различил неприятный запах. Но не гнили. Другой. Теперь в воздухе явственно тянуло горелым.

"Только пожара в этом чертовом поезде и не хватало!" - подумал Тони, вертя головой в поисках огня. Но вокруг по-прежнему была непроницаемая тьма. И запах... нет, к нему не примешивалась едкая горечь дыма, сочащегося откуда-то прямо сейчас. Скорее так могло пахнуть то, что уже отгорело. Что-то давно остывшее... холодное...

Логану вдруг вспомнился черный, сидевший в дальнем конце вагона. А ведь это, кажется, тот самый вагон... да и сидел он как раз где-то здесь... или все-таки на сиденье напротив? Тони силился вспомнить, но не мог. И теперь у Логана возникло явственное чувство, что, лишь слегка протянув руку, он *дотронется* до того типа. Но делать этого он не собирался. О нет, при одной только мысли о том, чтобы пощупать, кто сидит с ним рядом, его рука наливалась даже не свинцом, а... что там еще тяжелее? уран? пусть будет ураном.

Поезд вновь начал замедлять ход, пока не остановился на погруженной в непроглядную тьму станцию. Или все-таки посреди туннеля? Но если это туннель, зачем открывать двери?

А затем Тони услышал цоканье каблучков по платформе. На сей раз без всякого шарканья. Неизвестная шла уверенно, словно станция и поезд были ярко освещены. Она вошла в вагон через ближайшую к Тони дверь. Каблуки цокнули еще пару раз, направляясь к нему. Затем звук смолк. Но по еле уловимому движению воздуха он понял, что она опустила на сиденье рядом.

Значит, по соседству с ним все же никого не было - черный то ли вышел раньше, то ли все-таки сидел напротив... В смысле, тогда не было. Зато теперь точно было.

"Это просто слепая", - попытался убедить себя Логан. "Поэтому ей все равно, есть свет или нет. Она даже не знает об аварии." Угу, еще одна почти убедительная версия. Но, даже если поверить в такую концентрацию калек и больных в одном ночном поезде, Тони доводилось прежде видеть слепых. В темноте они, конечно, чувствуют себя уверенней, чем зрячие. Но менее уверенно, чем зрячие на свету. Слепая нащупывала бы дорогу тростью, и, наверное, был бы слышен шорох. Она бы не печатала шаг, как человек, который точно знает, куда идет... или которого это совершенно не волнует.

Поезд снова тронулся.

Тони сидел рядом со своей невидимой попутчицей, не смея шевельнуться и почти что стараясь не дышать. Он не знал, осведомлена ли она о его присутствии. Не знал, что будет, если он привлечет ее внимание. И, несмотря на все рациональные гипотезы, совсем, совсем не хотел это проверять.

А затем он почувствовал холодное прикосновение к своей ноге.

Тони не закричал. Может быть, потому, что страх обнаружить себя все еще был сильнее. Или просто потому, что понял - его коснулись не пальцы и не что-то подобное. Вообще не некий предмет. Это была жидкость. Жидкость, подтекая под его ногу с соседнего сиденья.

"Кровь", - подумалось ему. "Она истекает кровью".

Впрочем, жидкость не была теплой. Вряд ли это что-то... физиологическое. Может быть, у ней просто при себе сумка, а в ней - вскрывшаяся банка пива. Или колы. Или каких-нибудь консервированных фруктов-овощей. Или... даже еще проще. Мокрый зонт и плащ. Раз с вечера небо затянулось тучами, вполне мог пойти дождь... Впрочем, не много ли воды даже для очень мокрого зонта? Это же не просто отдельные капли, а целая лужа, добравшаяся до соседнего сиденья... Тони чувствовал, как эта жидкость расползается все дальше вдоль его ноги. Неужели она сама не чувствует, что сидит в луже? Какого черта он вообще безропотно это терпит? Если это не просто вода, то его брюки уже испорчены. Во всяком случае, их придется стирать... Он должен выразить свое возмущение этой особе, кем бы она ни была! Ну или, на худой конец, встать и пересесть на другое место!

Но в этой непроглядной темноте он не мог решиться сделать ни то, ни другое.

Поезд опять начал тормозить и въехал на очередную погруженную во мрак станцию. Впрочем, на сей раз мрак не был абсолютным. За окнами дрожали и колебались зловещие, тускло-багровые отсветы. А затем двери открылись, и Тони увидел их источник.

Прямо на платформе горел костер. Словно огонь под сводами пещеры каменного века. Или... жаровня палача в подземельях инквизиции. Впрочем, нет - не было никакой жаровни, никакой обозначенной границы очага. Горел, скорее всего, какой-то мусор, сваленный на платформе - и, судя по пеплу вокруг, горел уже давно. Пламя давало на удивление мало света и казалось густым и тяжелым; оно медленно колыхалось, не выстреливая искр; струйки черного дыма тянулись к неразличимому во тьме потолку. Что самое странное - огонь горел совершенно беззвучно, без единого потрескивания, и от этого почему-то казался еще более зловещим.

Тони, на миг отвлеченный этим зрелищем, не столько услышал, сколько почувствовал, что его соседка встала. Каблуки зацокали к открытой двери; Логан увидел ее темный силуэт на фоне пламени, а затем она шагнула наружу, отворачивая прочь от костра, и пропала во мраке, поглотившем ее без остатка, вместе со стуком каблуков. Никаких подробностей Тони разглядеть не смог, кроме того, что ее одежда, кажется, и в самом деле была мокрой и висела, облепляя тело.

Зато он увидел кое-что еще. Тот черный действительно сидел прямо напротив него.

Однако огонь, пылавший у него за спиной, позволял разглядеть лишь общий абрис грузной фигуры. Ни единой черты лица; Тони даже не мог понять, открыты или закрыты глаза

его визави. Зато тот, понял Логан, должен видеть его лицо достаточно хорошо...

Тони не знал, что внушает ему больший ужас - перспектива остаться сидеть напротив безмолвной черной фигуры или выйти на *такой* станции. Все же он заставил себя резко встать - и тут же чуть не повалился на пол. Его правая нога подогнулась, как резиновая; он совершенно ее не чувствовал. Очевидно, отсидел, замерев в неудобной позе, когда рядом с ним села та мокрая попутчица... Потеряв равновесие, Тони рефлекторно выбросил вперед руку, хотя уже понимал, что сейчас произойдет - и действительно, в следующий миг его кисть с силой ткнулась в плечо черного.

Логан даже не столько услышал, сколько ощутил под пальцами неприятный хруст.

"О боже, - подумал Тони, - я сломал ему ключицу!"

- П-простите, - пробормотал он. - С вами все в порядке?

Логан даже не очень удивился, не услышав никакого ответа. Но на всякий случай попятился в сторону.

Двери захлопнулись, и за окном, тускло освещенные багровыми сполохами, проползли грязные закопченные буквы: "Ворт Стрит".

Логан не поклялся бы, что знает почти что пять сотен станций нью-йоркской подземки, и все же был уверен, что такой среди них нет. Будь это какая-нибудь дальняя окраина Бронкса или Квинса, где он сроду не бывал, он бы еще мог усомниться - но только не в Бруклине. В Бруклине нет улицы с таким названием. Она есть в южном Мэнхэттене (как он мог опять там оказаться?!), но на ней нет ни одной станции метро. За это он готов был поручиться жизнью.

Впрочем, у него тут же мелькнула мысль, что от таких ручательств в нынешних обстоятельствах лучше бы воздержаться.

Огонь остался позади вместе с загадочной станцией, и Тони вновь оказался в грохочущей, качающейся тьме. Он сделал несколько шагов, балансируя в проходе (нога все еще не очень хорошо повиновалась ему), затем шлепнулся на сиденье, по счастью, никем и ничем не занятое. Потрогал левой рукой намокшую штанину - нет, липкой она точно не была - и с брезгливой осторожностью поднес пальцы к носу.

Определенно не кровь и не пиво. И не моча. Вода, как он и подумал. Просто холодная вода...

С речным тинистым запахом, который вряд ли может быть у дождевых капель.

С правой рукой все обстояло еще хуже. Он больше не мог говорить себе, что учуял запах гари из-за костра на станции. Его ладонь была перепачкана чем-то, чего он, естественно, не мог разглядеть, но что на запах и на ощупь чертовски походило на жирную копоть.

За окнами забрезжил свет. После перегона, оказавшегося совсем коротким, поезд наконец-то въезжал на освещенную станцию. Однако и эта станция выглядела весьма странно. Платформа выгибалась дугой под сводчатыми, полукруглыми же потолками; полукруглыми были и арки, уводящие куда-то во тьму. Мимо окон вагона проплыли большие буквы "Сити Холл". Но это явно не была "Сити Холл" на маршруте R в Мэнхэттене - там Логану бывать доводилось...

Поезд, по-прежнему темный изнутри, открыл двери. Что ж - теперь выбирать между тьмой и светом было проще. К тому же каким-то шестым чувством Тони осознал, что дальше поезд не пойдет. Станция "Сити Холл"-R могла быть и промежуточной, но эта - определенно конечная.

Тони бросил опасливый взгляд в сторону черного - но там никого не оказалось. Логан снова был в вагоне совершенно один. Неужели темная безмолвная фигура померещилась ему в полумраке? Нет, не может быть. Он ведь его не только видел...

И черная копоть на ладони Логана это подтверждала.

Наверное, тот тип встал и перешел в соседний вагон, а из-за шума поезда это не было слышно, сказал себе Тони, кое-как вытирая руку о поручень. Хотя зачем бы ему это понадобилось? Да черт его знает! Так или иначе, пока двери вновь не захлопнулись, надо отсюда выбираться.

Тони торопливо вышел из вагона. Его уже не слишком удивило, что на платформе он оказался один. Освещена, да и то тускло, была лишь ее центральная часть; оба конца изогнутой станции, более подходящей на коридор какого-то старинного подземелья, тонули во мраке. Повсюду, насколько можно было разглядеть при таком освещении, лежал толстый слой пыли, а с полукруглых сводов кое-где свешивались не то маленькие известковые сталактиты, не то грязные лохмы чего-то вроде старой рваной паутины.

Логан оглянулся на поезд. Тот по-прежнему стоял на месте, темный и безмолвный, скалясь черными провалами открытых дверей и незряче пялясь бельмами окон. Кажется, ни из одного вагона больше никто так и не вышел. Был ли кто-то внутри? Мрак не позволял ничего разглядеть снаружи, а идти вдоль вагонов и заглядывать внутрь Логана как-то не тянуло. Картинка с дверями, отрубаящими голову, вновь встала у него перед глазами.

"Суеверная чушь", - сказал себе Тони без особой, впрочем, уверенности. "Во всяком случае, снаружи это поезд как поезд... просто что-то случилось с электричеством..."

Тут он, однако, обратил внимание на еще одно обстоятельство. Буквы на вагонах, обозначающие маршрут... То, что он принял за Q, было вовсе не Q. Хвостик везде отсутствовал. Это буква O - или цифра ноль.

Ни того, ни другого маршрута в нью-йоркской подземке нет. Да и не может быть, как прекрасно понимал Тони - именно потому, что букву и цифру стали бы путать...

За спиной у Логана раздался тихий, вкрадчивый шорох.

Тони резко обернулся. В первый миг он ничего не увидел - потому что смотрел на высоте собственного роста. Но затем догадался опустить взгляд к полу...

К нему подползало абсолютно черное бесформенное существо размером с некрупную собаку. Жирную собаку, у которой оторвали конечности, а заодно и голову. Оно то пласталось, припадая к земле, то приподнималось, надуваясь и в безмолвной мольбе протягивая к Логану черные обрубки; то застывало на несколько секунд, то вновь рывком приближалось, причем в его движениях не было никакого ритма, оно ничем не перебирало, а просто двигалось по грязному полу, становясь все ближе...

Тони смотрел на эти конвульсивные движения в немом ужасе, хотя, казалось бы, ползущее существо могло вызвать скорее жалость, нежели страх. Но Логан в принципе не мог представить себе, что это такое. Оно не походило ни на каких-либо известных науке животных, ни даже на потусторонних тварей из легенд. В следующий миг оно вновь потянулось к нему и коснулось его ноги... и тут Тони с облегчением рассмеялся.

Пакет. Самый обычный черный полиэтиленовый пакет из супермаркета, брошенный кем-то на пол и подгоняемый ветром...

Вот только никакого ветра Тони не чувствовал. Но он сказал себе, что не чувствует дуновениями лицом и руками. А вдоль пола вполне может быть слабая тяга воздуха, доказывающая, кстати, что с этой станции есть выход...

Стряхнув пакет с ноги (тот словно прилип, пришлось резко дернуть ступней несколько раз), Тони повернулся к ближайшей арке, которая, очевидно, вела наверх. Но, подойдя ближе, Тони понял, что на висящем под полукруглым сводом указателе написано вовсе не "Выход". Там было написано "Нижний город". Вновь - только это, без всяких уточнений.

Через пару минут, пройдя станцию из конца в конец, Логан убедился, что то же самое написано на всех здешних указателях. Похоже было, что пути в верхний Мэнхэттен (и только

ли в Мэнхэттен?!) отсюда не было.

Поезд по-прежнему стоял с открытыми дверями, словно ждал, не пожелает ли единственный пассажир вернуться в его темное чрево. Но Логан решительно направился к арке. Лестница в глубине ее тоже вела в темноту - но по крайней мере наверх. На второй же ступеньке валялась какая-то газета - скорее даже, отдельный газетный лист. Валялась, очевидно, давно, ибо успела зарастить пылью, как и все здесь. Но Тони все-таки различил знакомые готические буквы "Нью-Йорк Таймс" и часть крупного заголовка под ними: "Кровавая баня..."

Он остановился. Насколько он помнил, никаких крупных катастроф за последнее время в городе, да и в мире, не происходило. Да и как-то не в стиле респектабельной "Нью-Йорк Таймс" такой вот заголовок, больше подходящий бульварной прессе...

Тони попытался носком туфли счистить пыль. Теперь он смог прочитать заголовок целиком:

"Кровавая бойня в Нормандии! Американских солдат рвали на куски!"

В какой еще Нормандии?!

Логан присел на корточки (брать грязную бумагу в руки все же не хотелось). Разобрать дату при таком скудном освещении было сложно, и все же, напрягая зрение, он сумел это сделать. Не веря себе, перечитал ее снова и снова.

7 июня 1944 года.

Не может быть, чтобы этот музейный экземпляр валялся здесь уже почти семьдесят лет! Но это была не единственная странность. Тони никогда особо не интересовался военной историей - равно как и историей журналистики - и, естественно, понятия не имел, как выглядела первая страница "Нью-Йорк Таймс", повествовавшая о "Дне Д". Но он полагал, что одна из ведущих национальных газет, пишущая о ключевой операции во время войны, делала это в более патриотически-воодушевляющем тоне. Тем более что операция, как ни крути, оказалась успешной, да и потери, в процентах к числу участников, были, насколько Тони помнил со школьных уроков истории, не такими уж запредельными... Здесь же казалось, что речь о полном провале и разгроме.

Под заголовком красовалась фотография, неожиданно четкая для старого газетного снимка. Двое американских солдат тащили за руки из воды своего товарища и вытащили его до пояса... еще, похоже, не осознавая, что ниже пояса нет ничего, кроме волочащейся из воды требухи. Причем, судя по вскинутой голове и искаженному мукой лицу, несчастный был все еще жив и пытался кричать...

Неужели такое в самом деле было напечатано в "НЙТ"?! А если нет, кому и зачем понадобилось изготавливать эту подделку?

Разобрать текст статьи при таком освещении Логан был не в состоянии. Он выпрямился и стал подниматься по лестнице, с каждым шагом все более углубляясь во мрак.

Когда он добрался до верхней площадки лестницы, тьма вокруг была уже полной. Но отступать было некуда - Тони хотелось любой ценой поскорее выбраться из подземелья - и он двинулся вперед, вытянув руки. На сей раз он наткнулся не на какую-нибудь безмолвно застывшую фигуру, а на холодное железо турникетов. Впрочем, на ощупь оно было не только холодным. Оно было пыльным и сильно изъеденным коррозией. Тони сильно усомнился, что эти турникеты отреагировали бы на его проездную карточку; впрочем, ему нужно было выйти, а не войти. Под давлением его тела металлические стержни повернулись, глухо скрипнув, и выпустили его на свободу.

Он медленно двинулся дальше сквозь тьму и через несколько секунд, хотя и старался ступать осторожно, споткнулся о нижнюю ступеньку еще одной лестницы. Эта, должно быть, вела уже на улицу; действительно; впереди-вверху не то чтобы брезжил свет, но, по крайней

мере, мрак был не таким непроглядным. Тони вновь принялся подниматься и вскоре и в самом деле оказался наверху.

Но это не был обычный выход наверх из подземки - обрамленный металлической решеткой или каменным бордюром, или упрятанный в остекленную будку, с неизменными зелено-белыми шарами по бокам. Это была просто-напросто яма в земле; лестница слегка не доходила до ее края. Можно было бы предположить, что здесь ведутся ремонтные работы, если бы вокруг ямы было хоть какое-то ограждение. Но там не было ни заборчиков, ни натянутых желтых лент; лишь яма посреди тротуара, словно ловушка для ночных прохожих - особенно в такую темную безлунную ночь, как эта... Ладно, черт с ней, с ямой, и со всеми исками, которые предъявит городским властям тот, кто сюда свалится! Тони был безмерно рад наконец-то выбраться на свежий воздух, пусть даже холодный...

Холодный, да, как Логан и ожидал (дождя, впрочем, не было). Но вовсе не свежий. Тони видел во мраке очертания зданий, слегка размытые зыбким туманом, понимал, что находится под открытым небом - но воздух вокруг был затхлым, как в каком-нибудь сыром подвале, куда никто не спускался лет пятьдесят.

Ладно. Центральная часть Нью-Йорка - не альпийский курорт, на узких, словно прорубленных в сплошной массе высотных домов улицах Мэнхэттена может пахнуть и похуже - хотя обычно такое бывает все-таки жарким и душным днем, да и туман здесь - большая редкость, это вам не Лондон... хотя, конечно, если после теплого дня резко похолодало... Но главное - понять, как все-таки теперь добраться домой в Бруклин. Лезть обратно в подземную дыру Тони, ясное дело, не собирался. И даже если он найдет нормальный спуск на нормальную станцию... - их, по идее, поблизости должно быть сразу несколько, но хватит с него подземки на сегодня. Кажется, есть какой-то автобус из Мэнхэттена в Бруклин, но ходит ли он ночью? В этом Тони сильно сомневался. Похоже, придется раскошелиться на такси... Не торчать же здесь до самого утра, в самом деле!

Но сначала - где все-таки он? Тони, уже воспрянувший было духом после окончания подземных приключений, вновь со все большей растерянностью оглядывался по сторонам. Если он и впрямь выбрался со станции "Сити Холл", пусть даже через какой-то закрытый и заброшенный выход, то рядом должны быть мэрия и здание суда, северо-восточнее их - увенчанная золотой статуей громада Мэнхэттенской администрации, а к западу от них - Бродвей с небоскребом Вулворта. С такими четко узнаваемыми ориентирами заблудиться невозможно. Однако ничего подобного Тони вокруг не видел.

Прямо перед ним во мраке тянулись непроходимые заросли. Толстые, кривые, узловатые ветви, где - бугристо-корявые, вздутые безобразными растрескавшимися наростами, где - совершенно голые, похожие на обглоданные кости, торчали во все стороны, переплетались под немыслимыми углами, сдавливали в удушающих объятиях соседние стволы, словно щупальца чудовищ, наглухо сцепившихся в последней мучительной агонии. Кое-где грязными гнилыми лохмотьями с них свисала отслоившаяся кора, где-то - длинные изодранные клочья полиэтилена, должно быть, занесенные на ветви ветром, но нигде, несмотря на самое начало осени, не было ни единого листика.

Никогда в жизни Тони не видел настолько уродливых деревьев. Менее всего это походило на не слишком многочисленную растительность, окружающую Сити Холл. И тем не менее эти жуткие заросли были обнесены некогда высокой и прочной металлической оградой, также не сравнимой с низеньким заборчиком Сити Холл Парка; однако ветви давно уже сплелись с ней и проросли сквозь нее. Где-то изъеденные коррозией прутья изогнулись и поломались под их давлением, где-то, наоборот, вросли в древесину, пронзили толстые ветви и кривые стволы насквозь, вспучив их лопающимися нарывами, усиливая ощущение смертельной

битвы без победителей. Если позади всего этого и были какие-то здания, разглядеть их во тьме за переплетением ветвей было невозможно. Тони почувствовал почти физический дискомфорт от этого зрелища - оно походило на вывороченные кишки, пораженные раком со множественными метастазами. Ежась от холода (а возможно, не только от холода), Логан поспешно зашагал вдоль ограды налево - как он полагал, на запад.

Но узкая улица, на которую он вскоре вышел, так же мало походила на Бродвей, как и эти жуткие мертвые заросли - на Сити Холл Парк. Небоскребов на ней не было. Только мрачные кирпичные дома из тех, какими застраивали городские трущобы еще до Второй мировой войны - а может, даже и до Первой. Угрюмые, уродливые темные кубы - Тони знал, что даже при свете дня их стены окажутся грязно-бурого цвета - шести или восьми этажей в высоту, лишённые всякой отделки и штукатурки, с висящими снаружи ржавыми зигзагами пожарных лестниц. Некоторые окна зияли выбитыми стеклами или были забиты фанерой; ни в одном не было ни огонька. Улица, насколько хватало глаз, была совершенно пуста - ни машин, ни пешеходов, но даже в темноте нельзя было не заметить, сколько на ней мусора. В том числе - и на проезжей части, словно здесь давно никто не ездил. Тони вздрогнул, едва не наступив на мертвого голубя. Тушка почти разложилась, из-под взъерошенных перьев белели мелкие кости.

Что ж это за район такой? Задворки Харлема или Бронкса? Как он мог там оказаться, если еще совсем недавно был на Де Кальб в Бруклине? И станция "Сити Холл"... пусть она выглядела совсем не так, как должна, но Сити Холл в Нью-Йорке только один, и он в нижнем Мэнхэттене!

Может, у него не в порядке с головой? Галлюцинации? Провалы в памяти? Верить в подобное не хотелось категорически, но ведь все, что творится, должно иметь какое-то объяснение! Сколько сейчас вообще времени? Может, уже под утро? Тони посмотрел на часы, но не сумел разобрать стрелки в темноте. Сотовый! Там же тоже есть время! И, кстати, неплохо бы позвонить... вот только куда? Для 911 вроде еще нет законного повода, а телефонов вызова такси он не помнил.

Тем не менее, он полез в карман и, бросив взгляд по сторонам - не хватало еще явления какой-нибудь шпаны, которую заинтересует его мобильный, совсем не дешевая складная модель - вытащил телефон. Разложил его, пробудил нажатием кнопки (аппаратик пискнул, подсвечивая клавиатуру и экран), первым делом устремил взгляд в правый угол, туда, где время... 12:00 a.m.

Что? Не может быть. Он сел в этот чертов поезд без чего-то час, а сейчас, наверное, не меньше двух... В любом случае, никак не полночь.

Если только он, сам того не заметив, не провел под землей почти сутки.

Да нет, не может быть. Что ж это он - сутки не ел, не пил... и даже в туалет не ходил? Куда логичней предположить, что чертов сотовый глючит.

Только теперь взгляд Логана скользнул в левый угол экрана, туда, где уровень сигнала. Он был готов увидеть там, в лучшем случае, привычные пять полосок, в худшем - вовсе ни одной, хотя, конечно, в Нью-Йорке не может быть такого места под открытым небом, где не ловится сотовая связь. Но к чему он совершенно не был готов, так это к полной пустоте. В левом верхнем углу не было не только полосок сигнала, но и значка антенны.

Ну, ясное дело. Хваленая японская штучка сломалась. Впрочем, японская она лишь по названию, а где ее на самом деле собирали... чертова глобализация... хорошо, что гарантия еще не кончилась...

Все же он вывел на экран свои контакты и пробежался по списку. Логан жил один и не имел близких друзей, так что, пожалуй, среди людей в его телефонной книге не было никого, кому можно звонить посреди ночи без очень веской причины. Не то чтобы он рассчитывал получить какую-то помощь, просто хотел проверить, работает на самом деле телефон или нет.

Можно даже набрать какой-нибудь случайный номер, а потом извиниться за ошибку - это лучше, чем беспокоить тех, кто тебя знает...

Так он и сделал, взяв за основу номер одного из сослуживцев и поменяв в нем пару цифр. Гудков не было. Не было вообще ничего. Но Тони понял, что это не тишина неработающего телефона. Просто трубку на том конце сняли в первый же миг. Сняли и молчат.

- Алло? - произнес Тони неуверенно. - Алло, Джим? - это было первое пришедшее ему в голову имя, и он тут же подумал, как выйдет забавно, если неведомый абонент и в самом деле окажется Джимом.

Однако, кем бы тот ни был, он не откликнулся. В трубке по-прежнему не было никаких звуков. И все же Тони чувствовал, что его слушают.

- Извините, - произнес он. - Я, должно быть, ошибся номером, - и дал отбой.

Все-таки, скорее всего, это неисправность сотового. Тони повертел его в руке и начал убирать в карман.

Телефон зазвонил.

На пустынной ночной улице его мелодия показалась Логану ревом сирены, и он, испуганно вздрогнув, поспешно нажал зеленую кнопку с трубкой, лишь бы прекратить этот шум.

- Алло? - сказал он гораздо тише.

Молчание.

- Это я *вам* сейчас звонил? Извините, я уже сказал, что это была ошибка. Похоже, мой телефон сломался.

Тони подождал еще немного, но, так и не дождавшись ответной реакции, сказал "Спокойной ночи" и разорвал связь. А затем полез в настройки, чтобы убавить громкость.

Сделать это он не успел - телефон зазвонил снова.

- Алло! - рявкнул Логан уже с раздражением.

Ему опять не ответили.

"Ну ладно, - подумал Тони, - я тоже умею молчать!" Это умение он демонстрировал в следующую минуту, а затем, так ничего и не добившись, вновь поднес палец к красной кнопке. Но прежде, чем он успел положить трубку, он услышал... звуки. Как будто что-то гнилое и липкое шевелилось, склеивалось и разлеплялось вновь. Те же самые звуки, что и из переговорного устройства в поезде.

Логан рефлекторно нажал кнопку, обрывая соединение.

Поспешно выйдя из режима настроек, он зашел в "Принятые звонки". Он был почти уверен, что увидит тот же номер, который перед этим набирал сам, но хотел удостовериться.

Он ошибся. Нет, это не был другой номер. Номера не было вовсе. Вместо него было только имя: "Эдвард Лучиано".

Никакого Эдварда Лучиано Тони не знал и, естественно, в свои контакты не вносил. Среди его знакомых вообще не было никого с итальянскими корнями. К тому же номер должен был высветиться в любом случае... Что же это за чертовщина такая? Какой-то вирус? Тони доводилось слышать о вирусах для сотовых... На всякий случай он выбрал "Опции - Заблокировать".

Телефон вновь зазвонил, завибрировал в пальцах.

Логан вздрогнул так сильно, что едва не выронил аппаратик. Затем вдавил кнопку отключения и дождался, пока экранчик погаснет. Подумав еще немного, вытащил батарейку и сим-карту и распихал это по разным карманам.

Телефон молчал и не подавал признаков жизни. Тони смотрел на него недоверчиво, думая, что если тот подаст голос вновь, он выкинет его в ближайшую урну, и плевать, сколько

он заплатил за это чудо техники. Хотя, впрочем, урну в таком районе надо еще найти...

Но сотовый, вновь отправленный в карман, вел себя так, как и подобает отключенному электроприбору. Проведя в напряженном ожидании еще пару минут, Тони успокоился и зашагал в том направлении, которое, будь эта загаженная клоака Бродвеем, а оставшийся за спиной кошмар садового - Сити Холл Парком, было бы южным.

Однако пейзаж вокруг, насколько можно было разглядеть в темноте, привлекательнее не становился - скорее, наоборот. Улица, узкая и грязная, словно гноящаяся рана от рубанувшего с оттяжкой клинка, тянулась между двумя рядами плотно сомкнувшихся с обеих сторон обшарпанных домов, имевших совершенно нежилой вид. Выбитые стекла попадались все чаще, да и целые - во всяком случае, на первых этажах, которые Тони мог разглядеть вблизи - заросли пылью практически до полной непрозрачности. Логан, никогда прежде не заглядывавший в чужие окна, попытался протереть некоторые из них, но это не помогло - изнутри они были столь же грязными, как и снаружи. На стенах, однако, нигде не было граффити, хотя, казалось бы, в таком районе они должны быть повсюду. У пожарных лестниц кое-где не хватало пролетов, ржавые ступеньки обрывались прямо в пустоту. Номера на домах по большей части отсутствовали, а там, где все-таки были, выглядели бессмысленным набором цифр: за домом 183 сразу же шел 1547, следом два дома без номера, а потом 804 - без соблюдения не только порядка, но и принципа четной и нечетной стороны. Причем все это - в пределах одного, бесконечно тянущегося квартала; Тони шел и шел в надежде встретить перекресток и прочитать на нем название улицы, но в стенах этого каменного ущелья не было ни единого просвета. Изредка, через неравные промежутки, попадались фонари, причем они были разных конструкций - одни столбы бетонные, другие деревянные, и сами лампы - то современные плафоны, то стеклянные шары, то явно стилизованные под старину многогранники. Но главное - ни один из них не горел, плафоны часто были разбитыми, а столбы - покосившимися, с оборванными проводами. И все же темнота не была абсолютной - что, впрочем, совершенно естественно для города, особенно в пасмурные ночи, когда низкие тучи отражают городские огни. Впрочем, пока что Тони не видел ни огней, ни туч, ни звезд. Над городом нависала тьма - просто тьма в чистом виде, однородная и беспросветная.

Ему вновь попался мертвый голубь. Затем еще один. А вот и гниющая чайка, распростершая облезлые крылья, словно дохлый орел поверженной империи. Странно - обычно чайки держатся побережья и не залетают вглубь города... Может быть, берег уже совсем рядом?

Тони поднял глаза от дохлятины и вздрогнул. Навстречу ему по улице шел человек.

Логан прекрасно понимал, что ночью в одиночестве в таком районе можно нарваться на самые неприятные встречи. Однако фигура, бредущая прямо по проезжей части, менее всего походила на уличную шпану. И все же при взгляде на нее Тони стало не по себе. Прежде всего, этот человек был одет не по сезону: на нем была мешковатая зимняя куртка и меховая шапка с наушниками, должно быть, завязанными под подбородком - разглядеть это мешал шарф, намотанный до самых глаз. И, похоже, несмотря на все это, он все равно не мог согреться, поскольку прятал руки под мышками. Странной была и походка - фигура ковыляла на полусогнутых, растопырив колени в стороны и вывернув ступни носками наружу почти что на 180 градусов. При этом еще и голова была повернута вправо под таким углом, что Тони удивлялся, как этот тип не сломает себе шею. В первый миг он подумал, что незнакомец специально отворачивается от него, но, похоже, тот шел так уже давно, вообще не замечая Логана.

Все же, хотя облик неизвестного и навевал безотчетную жуть, Тони решил заговорить с ним. Это был первый живой человек, встреченный на поверхности, и надо, черт побери, выяснить, что это за место и как выбраться отсюда в нормальную часть Мэнхэттена.

- Сэр! - окликнул Логан, сам удивляясь хриплому звучанию своего голоса. - Извините, сэр, вы не подскажете...

Тот продолжал ковылять вперед, глядя при этом вправо (и даже вправо-назад) и никак не показывая, что слышит. Логану пришла в голову мысль, что, собственно, ниоткуда не следует, что это мужчина. Под этой бесформенной одеждой могла скрываться и женщина...

Тони решительно перешел дорогу перед носом - точнее, перед левым ухом - бредущей фигуры и остановился, желая заглянуть ей в лицо.

Легче ему не стало. Лицо было полностью скрыто шарфом снизу и шапкой сверху, а в узкой щели, оставшейся между ними, чернели стекла темных очков (ночью!) и даже на нос, кажется, было наклеено что-то белое. Зато Тони почувствовал запах, заставивший его брезгливо поморщиться. Должно быть, бродяга, не мывшийся пару месяцев... а то и вообще не снимавший эти свои шмотки с прошлой зимы... Впрочем, было в этом запахе и нечто похуже обычной вони давно немытого тела. Нечто, родившее у Логана какие-то немыслимые при его заурядной биографии, чуть ли не средневековые ассоциации: чумные и холерные бараки... переполненные полевые лазареты под палящим солнцем...

И все же, преодолевая отвращение - раз уж больше спросить было все равно не у кого - он повторил свой вопрос:

- Вы меня слышите? Что это за место? Я, кажется, заблудился.

Фигура что-то глухо пробормотала под своим шарфом, но Тони не смог разобрать ни слова. Да и был ли это вообще английский? В Нью-Йорке проживает больше двухсот национальностей...

- Простите? - переспросил Логан.

Снова невразумительное бормотание, словно у говорившего рот был заполнен какой-то вязкой массой. Но на этот раз, кажется, слова были другими. Тони пришло в голову, что, возможно, это существо вовсе и не разговаривает с ним, а просто бурчит себе под нос, причем делает это уже давно и будет делать и дальше... Не просто вонючий бродяга, но и безумец? Почему бы нет... тем более что с того злосчастного момента, когда Тони сел в поезд, безумным выглядело все, что его окружало.

Но в тот момент, когда Логан уже уверился, что его в очередной раз проигнорируют, бездомный - или кем он там был на самом деле - вдруг рывком вытащил руку из-под мышки и протянул ее к Тони.

Тот отпрянул в ужасе, глядя на то, что вынырнуло из грязного рукава. Это не было рукой в привычном смысле. Это была какая-то оплывшая, бесформенная, изъеденная язвами культя, на которой уродливыми приплюснутыми пеньками торчали пять мокнущих бугорков - все, что осталось от пальцев. Взгляд Логана вновь метнулся к замотанному лицу, и он понял, что то, что он принял в темноте за шарф, было на самом деле пропитанными гноем и еще бог знает какими выделениями повязками. Он не был уверен, сохраняется ли под этими повязками (когда их меняли в последний раз?) хоть какая-то кожа, или они давно росли в большое мясо.

Мысль о том, что *это* может его коснуться, заставила Тони быстро попятиться, не оглядываясь; он видел лишь протянутую к нему кошмарную культю и слышал глухое неразборчивое бормотание из-под гниющих бинтов. Секунду спустя он запнулся о бордюр и, беспомощно взмахнув руками, рухнул затылком на тротуар. Перед глазами сверкнула вспышка, и все провалилось в черноту.

Придя в себя, Тони поспешно сел, в панике оглядываясь по сторонам. Ему мерещились липкие прикосновения прокаженного - или что это была за болезнь? - и его смрадное дыхание прямо в лицо, в рот... возможно, даже поцелуй сквозь грязные повязки (что, если это все же была женщина?) Было ли это просто бредом испуганного воображения - или отголоском того,

что действительно случилось, пока он был в беспамятстве?

Так или иначе, улица вновь была пуста. И оставалась все такой же темной - разве что туман стал гуще. Но, вероятно, Тони все же был без сознания не слишком долго. Странно, но он не чувствовал боли в затылке. Однако, осторожно потрогав, обнаружил там влажное и липкое.

"Непременно схожу к врачу", - пообещал себе Логан. "Как только выберусь отсюда. И не только на предмет травмы головы. Надо будет провериться на всякую инфекцию..."

Вот только сначала надо и впрямь отсюда выбраться.

Он поднялся на ноги и двинулся в прежнем направлении, шагая теперь уже прямо по мостовой. Впрочем, чем дальше он шел, тем больше сомневался в выбранном направлении. Под ногами был старый раскрошившийся асфальт. На дороге все чаще попадались мертвые птицы, и не только голуби. Вот черный ворон, почитаемый романтиками за символ смерти, сам валяется, поджавши лапки, вот изъеденный червями альбатрос, а вот... самую крупную из них Логан унюхал раньше, чем увидел - это была не то цапля, не то аист, на такой стадии разложения уже не понять. Тони знал, что в нью-йоркских парках такие водятся, но ни разу не видел, чтобы они залетали в городские кварталы...

Из тумана меж тем проступали темные силуэты домов, продолжавших меняться. Здесь они были уже разной высоты и архитектуры, и больше не смыкались двумя сплошными рядами, а торчали вразнобой, то выдвигаясь к самой проезжей части, то отступая вглубь темных провалов - словно кривые гнилые зубы какого-нибудь мутанта из фильма ужасов. Все чаще попадались глухие стены, вовсе лишенные окон - впрочем, и здания с окнами выглядели все хуже; Тони был убежден, что таких ветхих развалин не может быть не то что в деловом районе Мэнхэттена, но даже в самых бедных и захолустных кварталах Нью-Йорка. Муниципальные службы просто обязаны были снести все это давным-давно, пока оно не рухнуло кому-нибудь на голову... Кажется, большинство этих зданий, хотя и явно многоквартирных, даже не были каменными; в холодном воздухе явственно ощущался тяжелый, сырой и затхлый запах гниющей древесины. Впереди и вовсе маячили очертания каких-то не то полуразвалившихся особняков, не то фермерских домов; но если обычно подобные сооружения стоят на вольном сельском просторе, то здесь они буквально громоздились, наваливались друг на друга в жуткой тесноте, смыкались покосившимися стенами и проваливающимися крышами и, возможно, только благодаря этому еще не рухнули окончательно.

Оглядываясь по сторонам, Логан едва не споткнулся о какой-то предмет, лежавший прямо на середине мостовой и сливавшийся с чернотой асфальта. На какой-то жуткий миг ему показалось, что это раздувшийся труп, точнее, одно туловище без рук, без ног и без головы. Но это был всего лишь туго набитый черный пластиковый мешок для мусора. Все равно, смотреть на него было неприятно. Казалось, он вот-вот лопнет с сырым треском, вываливая из прорехи зловонное содержимое. Сколько времени он уже валяется прямо посреди дороги?

В этот момент сзади послышался быстро приближающийся шум - какой-то ритмичный скрип и скрежещущий шелест. Тони обернулся - и увидел в считанных футах от себя стремительно надвигающуюся тупую морду радиатора, изготовившийся для удара тяжелый прямоугольный бампер, слепые бьющие фары, черные стекла кабины... Он едва успел отпрыгнуть в сторону. Длинная машина, не снижая скорости, проехала мимо, с мерзким звуком - сквэшшш! - раздавив тот самый мусорный мешок. Тони открыл было рот, чтобы выкрикнуть вслед водителю все, что о нем думает (конечно, он был сам виноват, что пошел по проезжей части, но...) - однако брань застряла у него в горле. Больше всего Логана поразило не то, что шофер даже не попытался сигналить или тормозить, а то, что это была за машина. Школьный автобус. Обычный желтый школьный автобус, какие можно во множестве встретить на улицах Нью-Йорка, как и других американских городов... но только не в самый глухой час ночи.

Хотя, конечно, мало ли по каким делам может ехать водитель школьного автобуса ночью. Может быть, машина нуждалась в срочном ремонте... или это использование служебного транспорта в личных целях... да, все эти гипотезы имели бы право на существование, если бы в автобусе не было пассажиров. Тех пассажиров, для которых он и предназначен - детей.

Но, хотя света ни в кабине, ни в салоне не было, Тони явственно различил белые пятна лиц, прижатые изнутри к окнам. Да, именно так - не просто маячащие вполоборота, а прижатые, расплющившиеся о стекло лица и ладони, словно дети отчаянно и безнадежно пытались вырваться наружу из стеклянного плена салона, из темного и тесного замкнутого пространства, в котором они были заточены уже долго, о, очень долго... настолько, что у них не осталось уже сил бороться или хотя бы просто двигаться, и они могли лишь в немом отчаянии вдавливать лица в холодные окна... Автобус уже проехал, а перед глазами у Тони все еще стояли свернутые набок носы, темные провалы открытых ртов, темные потеки, сочащиеся из запавших глазниц...

"Бред", - сказал он себе. "Померещилось в темноте. Я же видел это не больше секунды! Это просто какая-то припозднившаяся экскурсия... попали где-нибудь в пробку... или аварию..."

Но почему ночью, да еще в тумане, были выключены фары? И почему, кстати, он слышал только металлический скрип и шелест мусора под колесами - но не звук работающего мотора?

Он смотрел вслед удаляющемуся автобусу. Задние габариты тоже не горели. А в заднем окне белело застывшее, перекошенное лицо. В нем было нечто *особенно* неправильное, и, мгновение спустя, Тони понял, что именно.

На этом лице вообще не было глаз.

Омерзительный тухлый запах, разлившийся в воздухе, отвлек внимание Логана. Он покосился на раздавленный мешок - из него и в самом деле выдавилось что-то белесое и комковатое, и у Тони не было ни малейшего желания рассматривать, что именно. Когда он снова поднял глаза, автобуса уже не было видно. То ли он куда-то свернул - и значит, впереди все-таки есть перекресток - то ли окончательно канул во тьму и туман.

Вернувшись на тротуар - больше никаких приключений на проезжей части, какой бы заброшенной она ни выглядела - Тони поспешно зашагал в прежнем направлении. Хотя ему все сильнее хотелось двинуться обратно, в то же время, пройдя уже слишком много в этом направлении, он не хотел возвращаться. Когда не знаешь, куда идти, самое глупое - метаться туда-сюда. И к тому же в глубине души он совсем не был уверен, что место, *откуда* приехал этот автобус, лучше, чем то, *куда* он направляется.

Вскоре его последовательная решимость была вознаграждена: впереди в тумане как будто показался крестообразный указатель - а значит, там наконец-то перекресток... Тони, и без того подгоняемый холодом и страхом, еще ускорил шаг; возможно, он бы даже пропустил бегом, но ему совсем не нравилась мысль о разносящемся по пустой улице топоте.

А затем он понял, что приближаться к указателю ему не так уж и хочется.

Там что-то висело. Как раз на той из табличек, что обозначала перпендикулярную улицу. На какой-то миг у Логана мелькнула дикая мысль, что это обезьяна, уцепившаяся за указатель хвостом. Но, сделав еще несколько шагов, он убедился, что это кошка. Кошка, повешенная на собственном хвосте... Дохлые кошки и собаки всегда вызывали у Тони непреодолимое отвращение, но ему все-таки нужно было прочесть, что там написано, и он подошел еще ближе.

Теперь он увидел, что дело обстоит еще хуже. Это был не хвост. Несчастное животное висело на собственной кишке, тянущейся из вспоротого брюха и, кажется, прибитой к указателю гвоздями. Причем, судя по виду и запаху тупа, висело так уже далеко не первый день...

Как туда забрался тот, кто сделал это - по пожарной лестнице? Тони доводилось слышать

о пожарных, спасающих кошек, но не...

Он мучительно сглотнул подступивший к горлу ком и заставил себя, напрягая зрение в темноте, прочитать надписи. Поразительно, но улица, по которой он пришел, все-таки оказалась Бродвеем. Впрочем... как Тони ни всматривался, различить первую букву он не мог. Она не то стерлась, не то, наоборот, была заляпана грязью. Получилось "ROADWAY" - "проезжая часть", а если буквально - бессмысленная тавтология "дорожный путь". На перпендикулярном указателе и вовсе не было названия улицы. Только черная стрелка с надписью "ONE WAY". Обычный дорожный знак, обозначающий одностороннее движение. И все же Тони задумался над буквальным значением этих слов. "Единственный путь"... Навязчивость этого предписания Логану совсем не понравилась, и он из принципа повернул в другую сторону.

Тем более что кошка висела как раз ближе к острому концу стрелки.

В скором времени он похвалил себя за правильный выбор: хотя новая улица была точно такой же пустынной и загаженной (пожалуй, мусора на ней было даже еще больше), без единого работающего фонаря и освещенного окна, однако, похоже, из царства деревянных развалюх Логан вновь возвращался к каменной цивилизации. Дома по бокам становились выше и современнее, и впереди даже показалась автобусная остановка с рекламным плакатом на боку. Тони видел этот плакат множество раз - слева лицо девочки, справа старухи, обе, естественно, улыбаются, кажется, что-то связанное с медицинской страховкой, типа, заботимся о вашем здоровье в любом возрасте... Плакат Логана, естественно, совершенно не интересовал - ему хотелось увидеть таблички с номерами останавливающихся здесь маршрутов. Впрочем, сейчас он бы с превеликим удовольствием сел на любой маршрут, лишь бы тот увез его из этого жуткого места.

M13, гласила табличка. M13? Тони не мог припомнить такого автобуса. В Бруклине, да, есть тринадцатый маршрут, он проходит через кладбищенский район Кипресс Хиллз - но на Мэнхэттене? Увы, там, где должна была быть схема маршрута, Тони обнаружил лишь пустую рамку.

А затем он почти физически почувствовал чей-то взгляд. Взгляд, полный ненависти и злобы.

Тони невольно затаил дыхание, боясь обернуться. Сзади не доносилось ни звука. Тони простоял, замерев, несколько секунд, а затем, осознав, что стоять спиной к опасности - это еще хуже, резко обернулся.

За ним никого не было. Только этот дурацкий плакат.

Нервы, сказал себе Тони. Всю эту чертову ночь ему мерещится черт-те что... А затем присмотрелся к рекламе повнимательней.

Лица были те же самые, которые он видел уже много раз. Но их выражение было совсем иным. Девочка тарасилась вникуда тупым взглядом олигофренички; ее лицо расплылось в бессмысленной улыбке, язык вывалился, по вяло отвисшему подбородку стекала слюна. Лицо старухи тоже было абсолютным безумным - и куда более страшным. Оно было искажено гримасой лютой ненависти; взгляд мутных гноящихся глаз словно бил поддых, улыбка оказалась судорожным оскалом, обнажившим редкие зубы и голые десны там, где зубов не доставало.

"Нельзя почувствовать взгляд картинки", - сказал себе Тони. А взгляд человека - можно? Наука, во всяком случае, не знает никаких лучей или чего бы то ни было, испускаемого глазами и способного воздействовать на другого человека...

Но в любом случае - кто мог заказать и разместить такую версию плаката? Если умственно отсталую девочку еще можно объяснить очередным пароксизмом политкорректности, то безумную старуху...

Но Тони попытался выбросить это из головы и вновь воззвать к своему здравому смыслу. Разумеется, не может быть такого плаката, как не может быть такого Бродвея и такого делового центра Мэнхэттена... но раз уж они есть, и раз уж здесь ходит автобус - может быть, все-таки разумнее дождаться его и спросить у водителя маршрут...

Вот только как бы этот автобус не оказался еще хуже того школьного.

В сомнении он шагнул под крышу остановки, где тьма была еще гуще, и испуганно вздрогнул. Ему показалось, что в углу кто-то сидит на корточках. Кто-то коренастый и скорчившийся, с широкими плечами... над которыми не было головы.

В следующий миг Тони, уже ощутивший, как стрелы ледяного ужаса пронзают его живот, понял, что смотрит на инвалидное кресло. Простое, без мотора. Пустое.

Ну что ж, инвалидное кресло, брошенное на автобусной остановке - наверное, не самый обычный предмет... но и не самый пугающий, не так ли? Мало ли почему его оставили здесь... однако убедительные причины в голову Тони как-то не приходили. Во всяком случае, в то, что здесь свершилось чудесное исцеление, он не верил. Где угодно, только не здесь.

Он подошел к креслу вплотную. В темноте он мог разглядеть лишь его черный силуэт, и то с трудом. Тони протянул руку и дотронулся до спинки. Его пальцы сразу наткнулись на прорези... длинные вертикальные разрезы. Спинка кресла была не просто разрезана - искромсана. И... изодранная материя была липкой.

Тони поспешно отдернул руку. Пальцы отклеились с неприятным звуком, словно изувеченное кресло не хотело его отпускать. Он рефлекторно попытался вытереть их о сиденье... но там было еще хуже.

Целая лужа, да.

Холодная, густеющая, но еще отнюдь не засохшая.

Тони в панике оглянулся по сторонам - и его взгляд вновь приклеился к рекламному плакату.

Лица снова изменились.

Физиономия девочки выражала теперь злобно-ехидное торжество. Торжество очень дурного, очень испорченного ребенка, который долго, возможно - неделями и месяцами, продумывал и готовил просто восхитительно подлую пакость - и которому она наконец-то удалась. А старуха... на ее лице застыло выражение ни с чем не сравнимого ужаса. Ужаса, от которого даже молодые и здоровые люди утрачивают контроль над кишечником и мочевым пузырем - а старики такой ужас обычно попросту не переживают. Собственно, Тони даже не был уверен, что смотрит на лицо живого человека, а не на обезображенную агонией посмертную гримасу.

И в этот момент он сам был уже недалеко от такого же ужаса. Ужаса при виде лиц на бумаге, живущих своей жизнью - и умирающих не своей смертью...

Но из глубины готового капитулировать сознания все же метнулась спасительная мысль - а что, если это не бумага? Современные технологии, сверхплоский дисплей - органические диоды или электронные чернила... Хотя нет - он приблизил лицо к плакату - никакой это не дисплей, самый обыкновенный постер...

Да нет же! Какой же он идиот! Он просто смотрит на плакат с другой стороны, изнутри остановки! Очевидно, с двух сторон вывешены разные версии!

Да, конечно. Все имеет разумное объяснение. И оставим за скобками вопрос, кому понадобилась ТАКАЯ реклама - что в одном, что в другом ее варианте...

Вот пойд и посмотри теперь на другую сторону плаката.

Зачем? - возразил сам себе Тони. Он ведь и так знает, что там та же самая картинка, которую он видел, подходя к остановке. Потому что иначе просто не может быть. А значит,

незачем, совершенно незачем туда смотреть. Только ждать автобуса на этой остановке (Тони еще раз покосился на кресло) он не будет. Нет, не будет.

Он вытер руку о стеклянную стену. Несмотря на темноту, длинные следы окровавленных пальцев проступили вполне отчетливо. И теперь он заметил, что они на этой стене - не первые. Причем не похоже, чтобы все его предшественники просто вытирали запачканную руку. Кто-то, похоже, обессиленно падал кровавыми ладонями на стену остановки, а кто-то тщетно пытался зацепиться за гладкое стекло, когда его тащили...

Может быть, это самая обычная краска, сказал себе Тони. Местные парни развлекаются... Тем не менее, он поспешно зашагал дальше по улице, не оглядываясь. Автобус еще вполне мог попасться ему навстречу - если здесь и впрямь одностороннее движение и если маршрут М13 ходит по ночам...

Неправильная постановка вопроса, заметил ехидный внутренний голос. Конечно же, ходит. Надо спрашивать, ходит ли он днем...

Впереди во мраке зажглись два глаза. Желтых. Круглых. Немигающих.

Фары, сказал себе Тони. Вот, кажется, и автобус. Впрочем, вне остановки он останавливаться все равно не будет.

Но нельзя сказать, чтобы Логан об этом сожалел. По правде говоря, с каждой секундой ему все меньше хотелось встречаться с этим автобусом, вне зависимости от того, собирается тот останавливаться или нет. Уже хотя бы потому, что он вновь не слышал звука мотора. И даже не мог разглядеть силуэт кабины. Фары - если это были фары - приближались совершенно беззвучно.

Тони понял, что если он развернется и побежит, то эта штука настигнет его как раз где-то в районе остановки. Но впереди вроде бы обозначился еще один перекресток. Если он успеет туда первым, то сумеет свернуть...

И все же он не побежал. Он все еще оставался слишком здравомыслящим человеком, чтобы броситься бежать. Он просто все больше и больше ускорял шаг. Тем более что фары приближались не так быстро, как можно было ожидать от автобуса. Но и не так медленно, как ему бы хотелось.

Он сближался с тем, что двигалось ему навстречу, и чувствовал: не успеет.

Что за глупости, говорил он себе, это же просто автобус, ну, может быть, какая-то другая машина... и даже если там едут какие-нибудь скверные парни, вряд ли им есть до меня дело... И в то же самое время другой голос в его мозгу называл совсем другую причину не переходить на бег: нельзя показывать *этому*, что боишься.

Теперь он уже различал во тьме и тумане смутный силуэт. Кажется, это действительно был автобус. Без единого огня, если не считать фар - даже без табло с обозначением маршрута спереди. И надвигавшийся по-прежнему совершенно беззвучно. Даже без шороха мусора под колесами.

До перекрестка оставались считанные ярды. До автобуса - лишь чуть больше. Тони не выдержал и побежал.

Они достигли перекрестка одновременно. Логан рывком метнулся за угол, стремительно уходя влево. Краем глаза он увидел вытянутый темный корпус (в отличие от обычных нью-йоркских автобусов, этот явно не был белым), квадратные дыры окон (еще более черные, чем все остальное), тускло рдеющие символы "М13" на боку, а ниже - тянущуюся по борту надпись: "СВОБОДЕН ЛИ ТЫ ОТ ГРЕХА?" Автобус был так близко, что Тони почувствовал исходящую от него волну теплого воздуха. На какой-то момент у Логана возникла твердая уверенность, что непоправимое случилось, он выдал себя, и вот сейчас эта штука повернет за ним следом...

Нет. Проехал мимо. В самом деле, это же просто автобус, следующий по своему

маршруту, и до чего глупо забивать себе голову всякой ахинеей... Как ни странно, именно грозная надпись на борту убеждала в этом в наибольшей степени: это была просто реклама, оплаченная какой-то религиозной организацией, Тони уже не раз видел ее днем, в нормальном городе. И, в отличие от прочих плакатов этой жуткой ночи, теперь она выглядела точно так же, как тогда.

Вот только показалось ему, или он и в самом деле в последний момент различил в глубине светящихся фар вертикальные зрачки? Зрачки, повернувшиеся в его сторону?

И та теплая волна, что окатила его... в ней не было запаха бензина и масла, какой можно ожидать от работающей машины. Она куда больше походила на жаркое смрадное дыхание из пасти большого зверя. Причем скорее падальщика, чем хищника.

Тони пробежал еще около сотни ярдов, затем перешел на шаг, переводя дыхание и говоря себе, что для паники нет оснований. Всему должно быть объяснение, и этому безумному району тоже. Может быть, когда взойдет солнце, он сам посмеется над своими страхами. (Мысль о том, что придется проплутать здесь до самого утра, уже не вызвала столь резкого протеста, как раньше - вовсе не потому, что это место стало больше нравиться Тони, а потому, что он начал свыкаться с неизбежностью... или с тем, что все более казалось ему неизбежным.) Он бросил взгляд вдоль улицы, уходящей в туман - такой же пустой и неосвещенной, как и предыдущие, прислушался - было совершенно тихо. Однако эта тишина не успокаивала, она была какой-то нарочитой, неестественной - он понял, что даже не слышит собственных шагов, словно туман, как вата, поглощал любые звуки. Тони остановился и с силой топнул ногой, желая преодолеть эту гнетущую тишину. Старый асфальт под его ногой треснул, крошась на куски, и Тони по колено провалился в разверзшуюся яму.

"Черт!" - пробормотал он, упав на левое колено и пытаясь вытащить ногу. Это, однако, оказалось не так просто. Должно быть, подземные воды, подойдя близко к поверхности, подмыли улицу снизу, и его нога угодила в густую вязкую грязь. Грязь, которую, не будь сверху асфальта, оказалась бы настоящей трясиной... Логан, все еще испытывая скорее злость и досаду, чем страх (вот теперь брюки точно испорчены!), потянул сильнее, затем, не преуспев, уперся обеими руками в асфальт - и почувствовал, как тот продолжает ломаться и крошиться под его ладонями. Словно тонкий лед на поверхности болота...

"Бред!", подумал Тони. Не может же он утонуть прямо посреди нью-йоркской улицы!

Но настоящий ужас он испытал лишь в следующий миг, когда почувствовал, что его нога не просто завязла в холодной густой жиже - но что ее *тянут* вниз. Почувствовал, как что-то тупое и сильное (пальцы? щупальца? челюсти?) сомкнулось на его лодыжке и неумолимо тащит ее в глубину...

Его нога провалилась уже по пах. "Помогите!", отчаянно крикнул Тони, хотя еще несколько секунд назад идея звать на помощь в *этом* районе показалась бы ему далеко не самой удачной. Даже и сейчас, услышав хриплый звук собственного голоса, он оглянулся по сторонам скорее с испугом, чем с надеждой.

И увидел в тумане позади два горящих глаза-фары. Они приближались.

Автобус M13, обреченно понял Логан. Все-таки повернул следом за мной. Или я только что сам его позвал, и теперь он точно приедет по мою душу... Тони запоздало сообразил, что, убегая, снова выскочил с тротуара на проезжую часть. И теперь этому проклятому автобусу даже не понадобится делать что-то сверхъестественное, он просто размажет беспомощную жертву, угодившую в ловушку...

Тони лег на асфальт, вцепляясь пальцами в еще неразрушившееся покрытие и яростно дергаясь всем телом в попытках освободить ногу. Вроде бы ему даже удалось отыграть несколько дюймов, но свет фар сзади неумолимо приближался. Шума мотора по-прежнему не

было слышно, зато все явственней становился хруст и шорох под колесами. Еще один рывок, еще - ужас на грани безумия придал Логану сил, и ему удалось высвободить ногу почти до колена, но тут позади, совсем рядом, что-то хрястнуло особенно мерзко - возможно, автобус раздавил очередную дохлую птицу - и Тони понял, что не успеет. Он судорожно зажмурился, ожидая удара...

Удара не последовало. Колеса прошелестели справа от него и замерли. Логан открыл глаза, не веря, что все еще жив.

Машина стояла напротив него, и это был вовсе не автобус M13. Она была гораздо меньше и белого цвета. С невероятным облегчением Логан узнал классический минифургон Почтовой службы США, с голубым орлом и девизом на борту.

Тони уже не задавался вопросом, почему почтовый фургон разъезжает по улицам ночью. Экспресс-доставка, куда уж проще и прозаичнее. Если не психовать по пустякам, то все имеет разумное объяснение, и то, что держит его за лодыжку - это просто тяжелая налипшая грязь, а водитель почтового фургона сейчас поможет ему выбраться и расскажет, как добраться до нормального транспорта... может, даже согласится подвезти, хотя это против правил... и вся эта идиотская фантазмагория, наконец, закончится!

Щелкнул замок водительской дверцы, и нога в шнурованном ботинке, высунувшись в щель, ступила на мостовую. И в этот момент Тони заметил, что девиз на борту машины немного отличается от того, к которому он привык.

Вместо "We deliver for you" ["Мы доставляем для вас"] там было написано "We deliver you". А точнее даже, "We de-liver you", не то с точкой, не то с крохотным дефисом, отделяющим "de".

Мы вырываем вам печень.

И голова орла выглядела слишком уж хищной и злобной. Логану сразу же вспомнился миф об орле, терзавшем печень Прометея.

Дверца открылась шире, издав неприятный скрип. Водитель, грузный лысый негр, боком выбрался из кабины. А затем повернулся лицом к Логану.

Или тем, что было у него вместо лица.

Увидев это, Тони закричал... скорее даже, завизжал, совершенно не контролируя себя. На него смотрел скуластый белый череп. При этом черная плоть по бокам головы сохранилась, Тони различал силуэт пухлых щек и жирной шеи - но между ними была лишь мертвенная белизна кости, давно и полностью очищенной от покровов не то ножом, не то разложением. Впрочем, у этого черепа почему-то сохранялся нос - тоже бело-костяной, но нос, а не подобающий истлевшему мертвецу треугольный провал.

- Что с вами? - осведомился кошмарный водитель замогильно-глухим, но в то же время почти добродушным голосом. И Тони, как бы сильно напуган он ни был, заметил, что на этой жуткой белесой маске имеется не только нос, но и губы, шевелящиеся в такт словам. Все же он не смог выдавить из себя ничего членораздельного и лишь конвульсивно дергался, пытаясь высвободить ногу.

- А, должно быть, мое лицо, - произнес негр (или кем он там был на самом деле). У Тони мелькнула мысль, что этот... это существо ищет повода для агрессии, и он жалко замотал головой.

- Все в порядке, сэр, - продолжал водитель все так же добродушно. - Многие пугаются, когда видят в первый раз. Это такой дефект кожи, называется "вителиго". Не волнуйтесь, это не заразно.

Господи, какой же я идиот, подумал Тони, вновь расслабляясь с безмерным облегчением (из-за чего его ногу опять втянуло сразу на несколько дюймов вглубь). Конечно, вителиго,

нарушение пигментации. Ему уже доводилось видеть людей с этой кожной болезнью, но то были белые. На лице чернокожего это смотрится особенно жутко... особенно когда пятно имеет такую форму, просто вылитая мертвая голова. Да еще с учетом сопутствующих обстоятельств...

- Извините, - сконфуженно пробормотал Тони.

- Вам нужна помощь, - произнес водитель скорее утвердительно, чем вопросительно.

- Да, моя нога застряла, и вообще, я попал в какую-то дурацкую ситуацию...

- Сейчас мы избавим вас от этого.

Но надпись? Как насчет надписи? Неужели это опять шутки воображения, которое скрыло от него предлог "for"?

Нет. Никакого "for" там не было. И "de" вполне отчетливо отделялось от "liver".

Водитель шагнул по направлению к Тони, и тот увидел его правую руку, до того скрытую дверью. Нет - с самой рукой все было в порядке. Никаких пигментных пятен, и пальцы тоже не сгнившие. Вот только эти пальцы сжимали рукоятку здорового мясницкого тесака, чертовски острого даже на вид и с заляпанным чем-то бурным лезвием.

- Что... вы собираетесь...? - жалобно воскликнул Тони, мгновенно утративший все только что обретенное спокойствие.

- Избавить вас от этого, - повторил негр, делая еще один шаг к нему, и до Логана только теперь дошло, что под "этим" подразумевается вовсе не его проблема, а его нога.

Ни малейших шансов освободиться в оставшуюся секунду не было. Но, когда водила уже занес свое оружие, Тони схватил самый крупный кусок асфальта и со всей силы метнул его прямо в жуткое бело-черное лицо.

Звук удара перешел в мокрый хруст. Негр отшатнулся назад и рухнул, ударившись затылком о край открытой двери своего автомобиля (та со скрипом захлопнулась) - а затем окончательно повалился на асфальт, так и не выпустив глухо звякнувший тесак. Раздался новый треск, и Логану в первое мгновение показалось, что это еще один звук раскалывающегося черепа, но он тут же увидел новую трещину, которая распорол асфальт от края ямы, куда провалился Тони, до передних колес автомобиля, пройдя под неподвижно застывшим телом.

И в следующий миг что-то словно колыхнулось под асфальтом, тяжело перекачиваясь ближе к минифургону - или, может быть, к лысой голове, из которой, должно быть, сочилась кровь? - и Тони почувствовал, что хватка на его лодыжке ослабла. Собрав все силы, он в очередной раз рванулся - и его нога с вязким сырым чавканьем вырвалась на свободу. Без туфли и вся перемазанная грязью, но это уже были несущественные частности. Логан вскочил и бросился бежать дальше по улице. Он даже не попытался завладеть тесаком поверженного врага (не говоря уже о том, чтобы сесть за руль его автомобиля), ибо не был уверен, что асфальт под ним не провалится вновь.

Или что этот тип не очухается в самый неподходящий момент, как это всегда происходит в фильмах.

Впрочем, это вряд ли, сказал себе Тони, не снижая, однако, темпа. Его череп треснул минимум в двух местах, и каким бы здоровяком он ни казался...

Сзади донесся уже знакомый скрип. А потом - хлопок дверцы.

Тони в панике вновь оглянулся через плечо и снова увидел фары. Собственно, они и не гасли, даже когда минифургон стоял. Но теперь... они, похоже, вновь приближались.

Логан метнулся к ближайшему дому, дернул ручку двери. Шурупы вырвались из трухлявой древесины, оставив ручку у него в руках. Дверь была заперта. Отбросив свой "трофей", бесполезный в качестве оружия, Тони помчался по улице дальше. Сколько секунд еще у него в запасе? Если он прямо сейчас не найдет, куда свернуть или где спрятаться...

Из тумана выступил дорожный знак. Ромб с надписью "DEAD END". Тупик. Проклятье!

Впрочем, позади знака угадывалось некое обширное свободное пространство. Хотя это еще ничего не значит. Там может быть ограждение, через которое ему не перебраться...

Он вновь, не останавливаясь, бросил быстрый взгляд назад. Фары определенно стали ближе. Тони опять посмотрел вперед и увидел металлическую ограду. Нет, она не была слишком высокой. А главное - в ней имелись полукруглые ворота, и они были открыты. А за воротами проступал в тумане словно бы город в миниатюре, уходящие во мрак ряды каменных сооружений, редкое из которых превосходило в высоту три ярда, и застывшие между ними безмолвные бледные фигуры...

Склепы. Надгробья. Памятники.

Если бы весь этот кошмар был Мэнхэттеном, вспомнил Тони, то к югу от Сити Холла должно располагаться единственное действующее кладбище острова при епископальной церкви Троицы. Но оно вроде бы намного ближе, а главное - совсем маленькое, не сравнить с этим огромным некрополем, теряющимся в тумане. Здесь, пожалуй, и заблудиться недолго, тем более ночью... и почему вообще кладбище открыто в такое время? То есть это, конечно, хорошо, что открыто, учитывая, что машина уже почти настигла его... И все же, хотя Тони и не считал себя суеверным, его, как и большинство людей, как-то не прельщала идея ночных визитов на кладбища. Тем более - после всего, что уже произошло этой ночью...

Вот уж воистину - Dead end. Тони вновь задумался над буквальным значением этого привычного выражения: "мертвый конец".

И, подбежав ближе к воротам, он получил дополнительное подкрепление своим страхам.

Это была еще одна мертвая птица. Лебедь, какие во множестве водятся в городских прудах и в заливчике Шипсхед Бэй. Он был насажен сразу на несколько прутьев кладбищенской ограды, пронзивших его насквозь. Перья, когда-то белые, слиплись от крови и трупной гнили, облезлые крылья и полуразложившаяся шея бессильно свисали вниз, отгнившая голова отвалилась и валялась у подножья ограды, раззявив почерневший клюв.

Ни один знак со словами "Вход воспрещен" не отговаривал бы от посещения более убедительно. И все же, если выбирать между мертвым лебедем и живым маньяком с тесаком... Тони поспешно вбежал в ворота и свернул в первую же боковую аллею, а затем - в узкий проход между склепом и мраморным ангелом. Присев на корточки, он затаился.

Все было тихо. Вот уж воистину - тихо, как на кладбище... Наверное, маньяк потерял свою цель или же вовсе не последовал за ним сюда. Логану вспомнились обрывки какого-то ужасика, где, вопреки самым распространенным клише жанра, как раз на кладбище нечисть не могла преследовать героев, потому что там - освященная земля. Разумеется, ни в нечисть, ни в освященную землю Тони никогда прежде не верил... как, впрочем, и в фургоны Американской почтовой службы, на которых разъезжают любители вырезать печень и другие органы.

Любители, которых не останавливает даже проломленный череп.

Тони подождал еще немного, затем, стараясь не издать ни звука, медленно поднялся, впервые ощутив дискомфорт от того, что его правая нога - в одном лишь носке, и к тому же мокрому. Идти назад он не отважился. Такое большое кладбище наверняка имеет не один выход.

Он осторожно двинулся по проходу между могилами, испуганно оглядываясь по сторонам. Что ни говори, а это место навевало жуть, причем темнота и туман, который, казалось, стал еще гуще, отнюдь не прибавляли энтузиазма. Кладбище было старым, очень старым. Оно не походило на действующее - во всяком случае, на такое, где за могилами кто-нибудь присматривает. Надгробья и памятники обветшали, растрескались, обросли грязью и какой-то сырой гадостью - скорее плесенью, нежели мхом. Многие плиты и каменные кресты опасно накренились и, казалось, вот-вот завалятся. Разобрать надписи, тем более в темноте, было почти невозможно, но там, где Логану это все же удавалось, они подтверждали давность

захоронений - начало XIX века, середина XVIII, даже тысяча шестьсот какие-то годы в сочетании с остатками явно голландских фамилий...

Но хуже всего были статуи. Сначала Тони обратил внимание лишь на то, что они в таком же скверном состоянии, как и все остальное - обросшие, покосившиеся, разрушающиеся; тут торчит культя отломавшейся руки, там чернеет провал отбитого носа, здесь и вовсе давно отвалившаяся голова вросла в землю (Тони испуганно вздрогнул, едва не наступив разутой ногой на выступающее из земли лицо; в первый миг ему показалось, что оно принадлежит отнюдь не скульптуре). Но затем он стал присматриваться и к самим лицам.

Нет, это не были морды демонов. Безмолвные фигуры изображали вполне традиционных для старых кладбищ ангелов, скорбящих дев в длинных одеяниях и тому подобные аллегории; кое-где в тумане возвышались и скульптурные двойники самих покойных. Но выражения! Каменные лица вовсе не были скорбящими. Ангелы кривились от злорадного торжества и скалились глумливыми ухмылками садистского удовольствия; лики дев несли на себе печать всех видов порочности и растления, да и вообще это были скорее не девы, а развратные старухи, и чем старше и некрасивее были их физиономии, тем блудливее и непристойнее. Лица же скульптур и портретов на надгробьях, изображавших погребенных под этими камнями, были обезображены вечным ужасом и болью.

И хуже того - Тони не мог отделаться от ощущения (становившегося чем дальше, тем сильнее), что все они неотрывно смотрят на него. Смотрят со всех сторон. Нет, каменные головы не поворачивались, когда он проходил мимо, он не видел и не слышал никакого движения, но стоило ему повернуть голову - и он встречался со слепыми взглядами, полными злобы, издевки или невыносимой муки, для которой даже смерть - не избавление, а только начало.

- Ну что уставился?! - не выдержал Логан, глядя в лицо ангелу, простершему к нему каменные обрубки - левая рука скульптуры отвалилась по локоть, правая - по середину предплечья. - Я тебя не боюсь! Ты просто кусок мрамора!

Статуя оставалась безмолвной и неподвижной, как и положено статуе. Тони отвернулся и пошел дальше.

За спиной у него раздался шорох.

Тони резко обернулся.

Ангел *двигался*. Его голова поворачивалась и наклонялась, а культы рук тянулись к человеку. Затем оцепеневший от ужаса Логан увидел трещину, отделяющую голову от шеи, и две другие, бегущие через живот и колени статуи. Он еле успел отскочить, когда каменная фигура, уже в воздухе разваливаясь на куски, с грохотом рухнула поперек аллеи. Голова откатилась к ногам Тони и застыла лицом вверх.

Логан перевел дух. Ну конечно, здесь просто все обветшало и рушится. Никакой мистики. Но все равно, надо убираться отсюда поскорее, пока очередная тонна мрамора не свалилась на голову...

Вот только... Тони еще раз посмотрел под ноги... он готов был поклясться, что только что, пока ангел был целым, выражение мраморного лица было иным. Злобное торжество, а не бессильная ярость. И рот тогда точно не был открыт.

Сунь пальчик. Вложи персты, Фома неверующий.

К черту, подумал Тони, поспешно шагая прочь. Ночь и туман проделывают странные шутки... нечего пялиться на все эти фигуры... скорее выбираться отсюда... Но где же этот проклятый выход? Он идет уже достаточно долго, насколько длинной может быть кладбищенская аллея? Она не была прямой, как можно было бы ожидать, но вроде бы все же не настолько петляла, чтобы сбить его с курса... или ему так только кажется из-за отсутствия

различимых издали ориентиров? Что, если он бродит здесь по кругу? Или даже не по кругу - он определенно не проходил мимо одних и тех же склепов и статуй - а по какому-то дьявольскому лабиринту...

Тони почудилось, что он слышит шаги.

Он резко остановился. Нет. Все тихо. Должно быть, эхо его собственных... Он пошел дальше.

Звуки возобновились. Ну да, эхо, что же еще. Звук отражается от всех этих склепов и надгробий...

Вот только почему он сам слышит лишь шаги своей левой, обутой ноги, а "эхо" одинаково звучит от обеих?

Он вновь замер, испуганно вслушиваясь в темноту.

Бомммм!

Тони вздрогнул так сильно, что едва не прикусил язык. Из тумана донесся следующий удар колокола, затем еще один... Протяжные, тоскливые и в то же время отрешенно-равнодушные звуки, тягуче плывущие из тьмы, навевали жуть едва ли не сильнее, чем загадочные шаги среди могил и злобные лица статуй.

Где-то на кладбище есть церковь, подумал Тони. Ну да, это совершенно логично. Но едва ли этот колокол - призыв к ночной службе. Если здесь вообще проводились какие-нибудь службы в последние двести лет... (почему все-таки явно заброшенное кладбище открыто, да еще ночью?) А если это отбивают время, то не слишком ли много ударов? Пять, шесть... если сейчас шесть утра, уже бы светало... семь... восемь...

Боммммм... медленно угас во мраке звук последнего, двенадцатого удара.

Никакое это не утро. Полночь.

Что за бред?! Сейчас должен быть, по меньшей мере, четвертый час!

Хоть бы понять, где эта чертова церковь, подумал Тони, но в тумане он не мог определить направление. Звук, казалось, шел отовсюду. Если там есть священник или... хотя бы кто-нибудь - хотя звонить могли механические куранты...

И кстати - он уже видел почтового служащего. Кто сказал, что священник окажется лучше? Может, у него над алтарем висит перевернутое распятие, а к нему вниз головой привязан собственными вытянутыми жилами... или кишками... вот такой же заблудившийся ночной путник, понадеявшийся на помощь в церкви, и кровь капает в подставленный ритуальный сосуд... Эта картина так ясно встала у Тони перед глазами, словно он и в самом деле смотрел на нее. Убраться с этого проклятого кладбища, пока он еще цел!

Шаги. Теперь уже точно никакого не эхо. Шаркающие, но в то же время уверенные. Приближаются. И снова он не мог сказать - откуда.

Тони бросился бежать, свернув в какой-то узкий боковой проход. Возможно - напрямиком к тому, кто (или что) бродит здесь по ночам. Но лучше так, чем стоять на месте, обмирая от страха. Острый каменный осколок впился в его правую ступню, но Тони даже не снизил темп. Из мрака и тумана навстречу выплывали безмолвные фигуры статуй - если, конечно, это были просто статуи. Логан старался не смотреть на них.

Наконец он почувствовал, что совершенно выбился из сил - а ряды заброшенных могил и разрушающихся надгробий все не кончались. Тони перешел на шаг, затем обессиленно привалился к какой-то холодной стене. Прислушался. Нет, кажется, за ним не гнались. Ну что ж, можно спокойно передохнуть, а затем...

Скребущие, царапающие звуки.

На сей у Логана не было никаких сомнений относительно их источника - они доносились сквозь стену. Тони поспешно отстранился, глядя, к чему же именно он прислонился. Это была

запечатанная дверь старинного склепа.

Звук шел изнутри.

До сих пор тело Логана адекватно реагировало на опасность, истинную или мнимую - а именно, отвечало мобилизацией сил. Но теперь его колени сделались ватными, и он вынужден был вновь привалиться к двери склепа, иначе просто не устоял бы на ногах. Его ухо прижалось к шершавой холодной поверхности, лишая его всякого шанса списать царапанье на игру воображения или акустические странности тумана.

Какое-нибудь животное забралось внутрь, в отчаянии выдал здравый смысл. Собака... или кошка... прокопала нору в склеп, а теперь не может выбраться...

Но разве в склеп можно прокопаться снаружи? Разве там не каменный пол?

Не знаю, ответил сам себе Тони, никогда не бывал в склепах. К тому же, если тут все так обветшало, могла образоваться дыра в стене... а потом ее завалило, и...

То, что внутри, задвигалось активнее. Словно *почуяло* человека, от которого его отделяло лишь несколько дюймов. Ну а почему бы собаке и не почуять... вот только скреблось оно явно не на высоте роста собаки или, тем более, кошки...

- Кто здесь? Сэр?

Это донеслось из-за двери. Голос звучал глухо (а как еще он мог звучать сквозь такое препятствие?), но определенно принадлежал женщине. Скорее даже - молодой девушке. У Тони не было сил даже отпрянуть от двери - ужас парализовал его настолько, что он не мог шевельнуться, и от осознания этого лишь возрастал.

- Сэр, умоляю вас, помогите мне. Произошла чудовищная ошибка. Меня похоронили заживо...

Все-таки всему есть разумное объяснение, с облегчением выдохнул Тони. Он, правда, полагал, что такие готические истории остались в эпохе Эдгара По. Современные средства диагностики исключают... С другой стороны, он ведь даже не знает, какое это кладбище. Судя по крестам - христианское, но христиане тоже бывают разные. Если эта девушка из какой-нибудь секты, не признающей современной медицины, вроде амишей или Свидетелей Иеговы...

- Сэр, пожалуйста! Выпустите меня! Мне так холодно...

Мне тоже, машинально отметил Тони. Хотя, казалось бы, после всей этой беготни он должен был согреться...

- Я вызову помощь, - пообещал он вслух; его колени больше не дрожали. - Как только доберусь до телефона. К сожалению, мой мобильник...

- Сэр, не уходите! - в голосе из склепа зазвучал неподдельный ужас. - Не оставляйте меня! Здесь так темно и страшно...

- Но я не знаю, как вас выпустить, - ответил Тони. - Мне не открыть эту дверь, - он даже подергал для убедительности. - Здесь есть другая?

- Другая? Откуда в склепе другая дверь? - удивление в ее голосе вновь сменилось молящими нотками: - Прошу вас, сэр, мне нужна ваша помощь... - говоря это, она не прекращала скрестись и царапаться изнутри.

Она назвала его "сэр", мелькнуло в сознании Логана. Еще до того, как он заговорил. Откуда она узнала, что он мужчина?

Он молча смотрел на разделявшую их преграду. На пятна в сплошном слое пыли и грязи, оставшиеся там, где он прислонялся. На обомшелый низ двери, намертво вросший в землю. Похоже, что ее не открывали уже очень давно...

- Когда? - глухо спросил он. - Когда вас... ээ... заперли здесь?

- Восемнадцатого ноября, - донеслось изнутри.

Год можно было уже не уточнять. Даже если прошлый - вполне очевидно, что в

запечатанном десять месяцев назад склепе уже не может находиться ничто живое. Хотя, скорее всего, эти похороны состоялись намного, намного раньше...

- Мне очень жаль, - пробормотал Тони, пятась прочь от склепа.

- Нет! - неслось ему вслед. - Не бросайте меня здесь... *с ними!*

Тони увидел - не только услышал, но и увидел - как тяжеленная, вросшая в землю дверь вздрагивает от ударов изнутри. Словно на нее бросался четырехсотфунтовый амбал, а не хрупкая девушка.

Логан споткнулся о могилу за спиной, но сумел сохранить равновесие. А потом вновь бросился бежать.

Он уже не пытался придерживаться аллея и дорожек, чувствуя уверенность, что они никогда не выведут его к выходу. В лучшем случае - к жуткой церкви в середине... если только такой случай можно назвать лучшим. Поэтому он перепрыгивал через могилы или бежал прямо по ним, каждое мгновение ожидая, что земля под ним провалится, и костяные пальцы вцепятся в его ноги и потащат вниз. Но этот ужас лишь заставлял его бежать еще быстрее. Несколько раз он спотыкался, а затем и впрямь упал, ухваченный за штанину торчащей из земли рукой. Но прежде, чем Тони успел завопить на все кладбище, он понял, что это рука статуи. Поначалу он решил, что это один из отломившихся фрагментов, но по тому, как прочно рука сидела в земле, понял, что, похоже, кто-то уложил и закопал здесь статую целиком. Тони уже не задавался вопросом, кому и зачем понадобилось хоронить скульптуру; освободив разорванную штанину (на сей раз пострадала левая брючина), он побежал дальше.

И вдруг из тумана впереди выступили черные прутья ограды, а чуть левее - полукруглая арка ворот. Они заперты, обреченно подумал Логан.

Но ворота были открыты. Ничто не мешало ему покинуть кладбище. И даже никаких дохлых птиц поблизости не наблюдалось.

Правда, справа от выхода висел на решетке какой-то плакатик. Тони подумал, что это, скорее всего, расписание работы кладбища. Этот вопрос его мало интересовал - да и вряд ли соответствующие строчки можно было разобрать в темноте - но все же он машинально скользнул по бумажке взглядом.

Это не было расписание. Там было всего две фразы - достаточно крупных и отчетливых.

Фразы, уместные на выходе из магазина, но никак не с кладбища.

"Спасибо за то, что посетили нас. До скорой встречи!"

Наверное, какие-нибудь шутники как раз и уперли плакатик из магазина, чтобы повесить сюда, подумал Логан. Шутники, да. Тинейджеры развлекаются. Забрались ночью на кладбище, спрятались в старом заброшенном склепе - наверное, там действительно сзади дыра в стене - и пугают случайных прохожих. Сейчас, небось, покатываются, вспоминая, как он удирал...

Угу. Вот только какова вероятность, что на огромном, пребывающем в запустении кладбище случайный прохожий подойдет именно к этому склепу? Какова вообще вероятность встретить там ночью случайного прохожего? Лично он не встретил ни одного. Хотя одного, кажется, слышал...

Если то был прохожий.

А еще статуи. И все остальное. И то, что на Мэнхэттене нет и не может быть ни такого кладбища, ни такого Бродвея, ни такого Сити Холла...

Но тут Тони, оказавшийся, наконец, за воротами, увидел в начале улицы, уводившей прочь от кладбищенской ограды, нечто, что вновь позволило ему вздохнуть с облегчением. Бело-голубые светящиеся буквы CHASE. Хотя Логан не был клиентом этого банка, это зрелище было настолько естественным и привычным, что трудно было не поверить - кошмар закончился, он снова в реальном мире. Да и вообще сама улица, по которой он поспешно зашагал, кажется,

наконец-то имела нормальный вид - никаких зловещих каменных трущоб и гниющих деревянных развалюх, обычные многоэтажные дома с магазинами и офисами на первых этажах... ночью, конечно, они все закрыты, металлические жалюзи скрывают витрины, но вывески над многими из них все равно сияют манящим неоновым светом.

Проходя мимо отделения банка - одна из немногих контор, где окна и двери не забраны жалюзи, поскольку банкоматы работают круглосуточно - Тони окинул его придирчивым взглядом. Что, если и тут окажется, как с рекламными плакатами... или почтовой службой... но нет, светящаяся вывеска ничем не отличалась от хорошо знакомых. Сквозь темное стекло виднелся холл с банкоматами; будь у Тони чейзовская пластиковая карточка, он мог бы пройти туда. На миг мелькнула абсолютно дикая мысль - разбить стекло и дожидаться приезда полиции, и пусть служители закона окончательно вернут его в реальность... в конце концов, у него есть что им рассказать, хотя бы про типа с тесаком... но нет, конечно же, это полная чушь. Надо просто найти уличный телефон, раз уж его мобильный не работает, как надо. Если он добрался до нормальных банковских офисов - доберется и до нормальных телефонов.

Тони бросил последний взгляд на темные окна "Чейза". В правом из них висело объявление о приеме на работу. Вот, мрачно подумал Логан - выпрут из нынешней фирмы, пойду устраиваться банковским служащим... хотя место рецепциониста его совершенно не прельщало. Или, может, там есть и вакансии для компьютерщика?

Он всмотрелся в объявление - и замер, чувствуя, как живот снова наполняется острыми ледяными кристаллами страха.

Там было написано вовсе не "NOW HIRING" - "нанимаем", а "NOW FIRING". Увольняем. И это еще в лучшем случае. Firing может означать и "отстреливаем".

И, кстати, буквальное значение слова chase - "преследование" или "охота".

Кого именно здесь увольняют или отстреливают, Тони разобрать в темноте не смог, да и не очень старался. Он торопливо зашагал дальше, озираясь по сторонам, как загнанный зверь. Только теперь он обратил внимание, что света нет и в окнах верхних этажей, где, по идее, должны быть жилые квартиры. Конечно, сейчас глубокая ночь, но никогда не бывает так, чтобы вообще нигде... И вывески... он с растущим отчаянием и страхом читал вывески тех самых контор и магазинчиков, которые только что его так обнадежили...

"Юридический офис"? [Law Office] Нет, "Низкий офис"! [Low Office]

"Продуктовый магазин"? [Food Market] Нет, "Магазин дураков"! [Fool Market]

"Универсальный магазин"? [General Store] Нет, "Универсальная болячка"! [General Sore]

"Кредиты"? [Loans] Нет, "Стоны"! [Moans]

"Свежая еда с фермы"? [Fresh Farm Food] Нет, "Мусорная вредная еда"! [Trash Harm Food]

"ЦЕНТР МЕДИЦИНСКОГО УХОДА"? [MEDICAL CARE CENTER] Нет, "ЦЕНТР МЕДИЦИНСКОГО УЖАСА"! [MEDICAL SCARE CENTER]

"ОФОРМЛЕНИЕ" [DECORATION]. Хотя бы эта вывеска показалась Логану нормальной, но, присмотревшись к лишненным подсветки буквам, он понял, что на самом деле это "Обескровливание" [DEGORATION]. Хотя за окнами было темно и не угадывалось никакого движения, он поспешил перейти на другую сторону улицы.

Дальше был перекресток, лишенный светофоров (почему-то с тех пор, как Логан выбрался из подземки, он не видел ни одного светофора). Тони осторожно, как солдат в фильмах про уличные бои, выглянул из-за угла - и увидел справа на перпендикулярной улице светящиеся сквозь призрачную дымку тумана буквы CAR SERVICE.

Такси! И контора работает ночью - во всяком случае, за окнами есть свет! Неужели он наконец-то уедет отсюда?

Наученный горьким опытом, Логан внимательно пригляделся к вывеске. Нет, там действительно написано CAR SERVICE, и не что иное. Он свернул за угол, пересек улицу и поспешно зашагал в выбранном направлении. Интуиция говорила ему, что в самый последний момент случится что-нибудь, что помешает ему уехать, но он гнал от себя эти панические мысли.

Ничто не помешало ему достичь заветной надписи. Тони запоздало вспомнил, в каком виде сейчас предстанет перед принимающим заказы служащим - в грязных и разорванных брюках и в одной туфле, да и руки перепачканы черт-те чем... Впрочем, ночные такси ведь для того и существуют, чтобы помогать людям, попавшим в затруднительное положение? В худшем случае придется заранее продемонстрировать свою платежеспособность (Логан испуганно потрогал карман брюк: бумажник был на месте). Он уже взялся за ручку двери с матовым стеклом, из-за которого лился приглушенный свет, уже даже начал тянуть эту дверь на себя (она легко поддавалась), но вдруг, повинуясь внезапному порыву, еще раз всмотрелся в вывеску.

И понял, что контора, куда он так стремился попасть - это вовсе не CAR SERVICE. Над дверью было написано SCAR SERVICE ["Служба шрамов"], просто первая буква не горела.

Медленно и осторожно он прикрыл дверь и практически на цыпочках поспешил прочь, очень надеясь, что его попытка войти осталась незамеченной.

Хотя может быть, конечно, что за той дверью находится просто салон тату и пирсинга... Ага, и все прочие вывески объясняются всего лишь тем, что бизнесом в этом районе занимаются эксцентричные люди с извращенным чувством юмора. Ты сам-то в это веришь?

Что-то заставило его оглянуться. Может быть, безумная надежда на то, что вот сейчас морок развеется, и он увидит нормальную улицу с нормальными вывесками... или, по крайней мере, нечто, что поможет ему объяснить происходящее...

Вместо этого он увидел, как открывается дверь, в которую он только что едва не вошел. Она открывалась столь же медленно и беззвучно, как он ее закрывал. Почему-то это напугало его даже больше, чем если бы она резко распахнулась, и на пороге появился бы какой-нибудь здоровенный жирный азиат с кривым ножом в руке.

Тони вновь бросился бежать, не дожидаясь, пока дверь откроется полностью. К счастью, до следующего перекрестка было недалеко, каких-нибудь двадцать ярдов. Логан нырнул за угол направо и тут же перешел на крадущийся шаг, чутко вслушиваясь в ночь.

Все было тихо. Кажется, его не преследовали... Впрочем, та дверь ведь тоже открывалась беззвучно, и если бы он не оглянулся... Хотя - откуда непременно следует, что то, что за дверью, представляет для него опасность?

Но Тони был уже не в том настроении, чтобы отвлеченно рассуждать о логической обоснованности страхов. Он поспешно огляделся по сторонам. Прямо напротив него была вывеска очередного заведения. Nails - маникюрно-педикюрный салон. Света нигде нет. Логично - ночью подобные салоны не работают. Но все же Тони достаточно хорошо различал темные буквы, образывавшие слово Nails - на сей раз именно так, без всяких фокусов. Различал он и классическую картинку, неизменно присутствующую в окне подобных заведений - женщина в кресле, с накрашенными ногтями на руках и на ногах.

Вот только выражение лица этой женщины ему не понравилось.

Тони приблизился к темному стеклу. Да, никакого сомнения - нарисованное лицо было искажено гримасой нестерпимой боли. И только потом он вновь перевел взгляд на ее ногти. Собственно, ногтей не было - они были вырваны, и в окровавленное мясо пальцев, которое он сперва по привычке принял за красный лак, были вбиты гвозди.

Нарисовано все это было с большим искусством и вниманием к деталям - куда тщательней, чем обычный рекламный трафарет. Художник, похоже, наслаждался процессом.

И, возможно, работал с натуры.

И, едва Тони подумал это, он услышал звуки, от которых мороз вновь продрал его внутренности.

Хотя, на самом деле, в этих звуках не было ничего ужасного. Ничего, связанного с болью, смертью или хотя бы таинственностью. Эти звуки прекрасно знакомы миллионам американцев и многих из них, по правде говоря, успели изрядно достать.

Незатейливая мелодия, исполняемая фургончиками мороженщиков.

Удивительное дело, но, придуманная с очевидной целью привлекать детей, а вовсе не пугать их, эта мелодия всегда казалась Тони зловещей. Почему - он и сам не знал, но чувствовалось в ней что-то вкрадчиво-жуткое, мистическое, потустороннее. Конечно, будучи человеком здравомыслящим, он никогда не боялся фургончиков с мороженым по-настоящему (хотя, даже в детстве не будучи особым любителем их товара, и услугами их почти никогда не пользовался). Только думал, бывало, слыша этот мотивчик в очередной раз, что в каком-нибудь фильме ужасов он пришелся бы кстати. Клоуны, тоже вроде бы призванные лишь веселить, давно уже заняли в таких фильмах прочное место, а чем мороженщики хуже?

И вот, кажется, теперь ему предстояло узнать - чем.

Разумеется, эти фургончики не ездят ночью. И уж тем более - со включенным звуком. Но этот - ехал.

Судя по звуку, он двигался - медленно, как они обычно и делают в поисках клиентов - по той самой улице, откуда Тони только что убежал. Логан почти прижался к стеклу зловещего салона, надеясь, что фургончик проедет мимо, не сворачивая.

Но он повернул.

Тони увидел его. На вид это был самый обычный угловатый белый фургончик с окном-витриной в правом борту и плакатами вокруг с изображением разных сортов мороженого. Даже фары горели, как положено. И надпись под крышей гласила именно "ICE CREAM", а не "I SCREAM" ["Я кричу"] или что-то в этом роде. И все же Логан мысленно взмолился, чтобы он ехал дальше по улице, не останавливаясь.

Фургончик проехал еще пару ярдов и встал. Музыка проиграла еще несколько тактов и смолкла. Только безмолвно вспыхивали и гасли задние габариты.

"Ну и что мне теперь делать?", подумал Тони. "Возвращаться назад... на ту улицу, где гостеприимно открыл дверь Scar Service? Идти вперед... чтобы он снова за мной увязался? Но стоять на месте, кажется, глупее всего..."

- Мистер, - донесся негромкий сиплый голос, почти шепот, из кабины фургончика, - вы хотите мороженого.

Это было именно утверждение, а не вопрос.

- Н-нет, - выдал из себя Тони. - Спасибо, мне и так холодно.

- Холодно, - печальным эхом повторил голос. - Всегда холодно. Никто не хочет мороженого. Плохой бизнес.

Он замолк, и Логан хотел уже из вежливости посочувствовать его проблемам, но мороженщик снова заговорил:

- Тогда хотдог?

- Хотдог? - удивился Тони. Обычно их не продают из фургонов с мороженым, хотя, конечно, бывают и такие универсальные машины... - Он действительно горячий? - Логан почувствовал, что и в самом деле сейчас с большой охотой съел бы что-то теплое... и мясное. Может, хоть это поможет ему, наконец, согреться. Хотя одного хотдога для этого, наверное, маловато...

- Это мой хотдог, - все так же печально и тихо ответил водитель. - Я взял его для себя. Но

могу отдать его вам. А сам съем мороженое, которое вы у меня купите.

- Ммм... - не вдохновился этой комбинацией Логан, - я думаю, будет лучше, если вы оставите свою еду себе.

- Не волнуйтесь, мистер, я еще не кусал от него, - по-простому ответил мороженщик. - Это хороший хотдог. Он еще даже в пакете. Всего один доллар.

"Пожалуй, лучше возьму, а то не отвяжется", решил Тони. "В конце концов, выбросить всегда успею, а доллар - не такие большие деньги".

- Ладно, давайте, - он подошел к окошку. Света внутри машины не было, но было слышно, как мороженщик перемещается внутри из кабины водителя на место продавца. Затем он завоzilся в глубине кузова; Тони послышался приглушенный скрежет, словно тупым ножом по чему-то твердому. Хотя, наверное, это просто скрипнул открываемый ящик.

- Скажите, - Тони решил воспользоваться ситуацией, - что это за место? Я, похоже, заблудился. Это Мэнхэттен?

- Это Нижний город, - шипло донеслось из темноты. У Логана мелькнула мысль, что мороженщик, похоже, простужен - вероятно, и впрямь в последнее время слишком часто ест собственный товар.

- Даунтаун Мэнхэттена? - уточнил Логан. У Бруклина есть свой собственный, который, впрочем, тоже совершенно не похож на то, что уже повидал Тони этой ночью...

- Нижний город Нью-Йорка, - упрямо ответил мороженщик; до слуха Логана донеслось слабое гудение, похожее на звук работающей микроволновки. Тони решил не вступать в географические споры и задал более практический вопрос:

- Как мне попасть отсюда в Бруклин?

- Куда-нибудь попасть отсюда можно только утром.

- А сейчас сколько времени?

- Полночь.

"Да что они здесь все, сговорились, что ли!", зло подумал Тони, но вслух лишь вежливо произнес:

- Мне кажется, ваши часы отстают.

- У меня нет часов, - возразил мороженщик и чем-то зашуршал. - Ваш хотдог, мистер.

Хотя Тони и не был чопорным сторонником церемоний, но почувствовал, что это вульгарное "мистер" без фамилии начинает его раздражать. "Так не говорят уже бог знает сколько лет", подумал он. "Его что, не учили, что клиентов надо называть "сэр"?"

Из темного окна ("почему он все-таки не включит свет?") высунулся полиэтиленовый сверток. Тони полез было в карман за бумажником, но тут вспомнил о свежеприобретенной манере задумываться над буквальным значением слов. Что, если его и впрямь собираются накормить куском собачатины? Правда, корейцы и китайцы ее едят, но они едят и насекомых...

Он с некоторой опаской взял сверток. Нет, кажется, в пакете действительно был вполне классический хотдог, теплый на ощупь и щедро сдобренный кетчупом, заляпавшим пакет изнутри. Тони, держа попку в левой руке, правой принялся - осторожно, чтобы не коснуться еды грязными пальцами - отворачивать горловину пакета. Чувствуя, что и впрямь проголодался, он поднес хотдог к открытому рту и...

Его остановил запах плесени. И как раз вовремя, чтобы понять, что темно-красное - это вовсе не кетчуп. Ибо теперь Логан разглядел, что торчашую между двумя половинками булки "сосиску" венчает грязный обгрызенный ноготь.

Тони рефлекторно отшвырнул "угощение", борясь с подкатившим к горлу рвотным спазмом. Пухлый отрезанный палец упал на асфальт отдельно от заплесневелого хлеба. Логан дернулся назад, прочь от фургончика, но высунувшаяся из окошка рука с удивительным

проворством схватила его за запястье.

- Эй, мистер! - голос был все таким же сиплым и даже не стал громче, но из него разом исчезла вся меланхолическая печаль - теперь это было злобное шипение: - А кто будет платить?!

Но вовсе не интонация этого голоса, даже не то, что он только что едва не стал людоедом, заставили Тони пялиться на держащую его руку в немом ужасе. Деревянно-твердые пальцы мороженщика были не просто холодными - они были в буквальном смысле холодны, как лед. А сама его рука - это было ясно видно даже в темноте - была совершенно белой. Не просто бледной, а белой.

Потому что всю ее покрывал иней.

Тони, действуя по-прежнему рефлекторно, а не рассудочно, дернул рукой сперва вверх, а затем, резко и со всей силы - вниз, ударяя своего противника запястьем о край окна. Подсознательно он ожидал, что это заставит мороженщика ослабить хватку, но эффект превзошел ожидания. Раздался хруст ломающейся кости... и, очевидно, не только кости... а затем заиндевелая кисть попросту оторвалась, оставшись висеть на запястье Логана, словно ледяное кольцо кандалов. Крови не было, да и не могло быть - лишь брызнули в разные стороны темные смерзшиеся кусочки.

Тони бежал по улице, не помня себя. Несся, как кошка, к хвосту которой добренькие детки привязали горящую паклю - только роль пакли исполняла болтавшаяся у него на запястье рука замороженного трупа. В том, что эта рука была мертвой задолго до того, как отделилась от тела, не могло быть никаких сомнений, и никакие рациональные гипотезы уже не приходили на выручку. Тони лишь тряс на бегу собственной рукой, пытаясь избавиться от кошмарного "браслета", но мертвые пальцы держали крепко. Словно их и заморозили именно в таком положении, словно он не видел и не чувствовал, как они только что двигались, и весьма резко...

Преследовал ли его фургон? Тони мчался, не оглядываясь, но, во всяком случае, сзади не было ни света фар, ни знакомой мелодии. Возможно, даже этот... эта штука не могла управлять машиной одной рукой. Тем не менее Логан, конечно же, свернул при первой же возможности, а добежав до следующего угла - свернул снова, уже почти убедив себя, что вновь благополучно ушел от погони.

Но, едва за его спиной остался третий перекресток, его тень испуганно метнулась вперед в свете появившихся сзади фар.

Мороженщик, обреченно понял Тони. Или почтальон с тесаком. Или автобус. Кто-то из них все-таки до меня добрался...

Он почувствовал, что совершенно выдохся и больше не в силах бежать. Да и как убежать от машины? В прошлые разы это удавалось, поскольку находилось, куда нырнуть. Но сейчас впереди - только прямая улица с сомкнутыми по обеим сторонам домами...

Тони остановился и обреченно повернулся навстречу тому, что настигало сзади.

- Господи, - выдохнул он в следующий момент, - наконец-то!

К нему неторопливо приближалась полицейская машина.

Логан понятия не имел, что могут сделать стражи порядка с разъезжающим по улицам мертвецом-людоедом и как вообще объяснить им происходящее, чтобы его не сочли законченным психом, но это было не самое главное. Главное - что теперь для него лично кошмар закончится, и всеми проблемами займутся те, кому это положено по долгу службы. Он готов был броситься навстречу полиции с распростертыми объятиями, но вовремя сообразил, что делать этого не стоит. Как отреагирует коп, видя посреди ночной улицы подозрительного типа в грязной одежде, у которого на запястье болтается оторванная рука? Лучше оставаться на месте и вести себя как можно спокойнее. А то ненароком можно и схлопотать пулю от

собственных спасителей.

Пока что, впрочем, патрульные обеспокоенными не выглядели: машина приближалась без сирены и мигалок и без каких-либо команд через громкоговоритель. Хотя, возможно, они еще просто не разглядели подробностей. Тони застыл на месте, растянув лицо в максимально дружелюбной улыбке - для чего, впрочем, ему не потребовалось особенных усилий над собой.

А может, я и правда псих, подумал Тони, продолжая счастливо улыбаться. И вот сейчас меня отвезут, куда следует, сделают мне укольчик, и наутро я проснусь в теплой уютной психушке в нормальном мире.

Машина приблизилась вплотную (Тони увидел, что внутри только один патрульный, причем белый - Логан не считал себя расистом, но в этот момент его обрадовало, что в щекотливой ситуации придется объясняться с человеком своей расы). Поравнялась с ним (Тони увидел на дверцах знакомые аббревиатуры NYPD и CPR). И... поехала дальше с прежней скоростью.

Тони не верил своим глазам. Неужели коп не видел, *что* болтается у него на руке?! Сейчас ведь не ночь Хеллоуина! Или просто не разглядел в темноте?

- Эй! - крикнул он, размахивая руками, и побежал следом за автомобилем. - Офицер! Подождите!

Машина остановилась. Тони услышал, как щелкнул замок, но полицейский не спешил выходить. Логан, запыхавшись, подбежал к передней дверце.

- Офицер... слава богу! Я понимаю, как прозвучит то, что я собираюсь рассказать, но...

Слова застряли у него в горле.

Ибо он увидел, что, хотя на дверце действительно написано CPR, расшифровывается это иначе, чем он привык. Не Courtesy - Professionalism - Respect.

А Cruelty - Profanation - Rampage.

Дверца распахнулась, и полицейский выбрался на тротуар.

Когда человек стреляет себе в висок, он на самом деле подвергается не такой уж маленькой опасности. Опасности остаться в живых. Причем чаще всего - не без последствий, каковыми могут быть самые разные нарушения мозговой деятельности (не говоря уже о чисто косметических, несущественных для трупа, но малоприятных для выжившего). Профессионалы, имеющие дело с огнестрельными ранениями - в том числе, разумеется, полицейские - хорошо это знают. Поэтому, когда они решают свести счеты с жизнью при помощи пули, то избирают более надежный способ. Стреляют не в висок, а рот, направляя ствол вверх и слегка назад, в мягкое небо. В этом случае мозги вышибаются в самом буквальном смысле, что дает стопроцентную гарантию.

Или не совсем.

Во всяком случае, тот, кто вылез из машины, являл собой наглядное опровержение.

Макушки у него не было вовсе. Верхнюю часть черепа вырвало целиком, оставив на ее месте дыру, оскаленную вывороченными наружу острыми обломками костей, на которые налипли клочья волос. Ниже в волосах запутались похожие на дохлых слизней белесые ошметки мозга и черные сгустки свернувшейся крови. Правый глаз провалился куда-то внутрь, оставив на своем месте темную яму, левый, напротив, стек по щеке и висел на ней испещренной кровавыми прожилками круглой каплей, все еще удерживаемый вытянувшейся из глазницы веревочкой нервов. Из носа свисало что-то вроде густых кровавых соплей - возможно, тоже остатки мозга. Верхняя челюсть раскололась, причем справа от трещины зубы с оголившимися деснами торчали из-под губы на полдюйма ниже, чем слева. Нижняя челюсть не пострадала при выстреле, но все равно бессильно отвисла и слегка покачивалась, когда коп двигался. Подбородок был весь перемазан кровью с застывшими в ней мелкими комочками.

Зато униформа и значок были в полном порядке. Ну, по крайней мере, насколько можно было судить в темноте.

И рукоятка пистолета - скорее всего, *того самого* - торчала из расстегнутой кобуры.

- В-все в порядке, офицер, - выдавил из себя Тони, пятясь назад. Но было слишком поздно - воплощенный ужас в униформе шагнул к нему. И двигался он достаточно проворно, а не как зомби в фильмах.

А затем труп заговорил. У него это не слишком хорошо получалось из-за того, в каком состоянии были его челюсти, так что ему пришлось помогать себе, подпирая нижнюю губу левой рукой. Судя по тому, как ловко ему удавалось имитировать артикуляцию, он уже успел приспособиться к такой манере речи.

- Вы имеете право *кричать*, - сказал он, кладя правую руку на кобуру. - И оно будет использовано против вас.

Услышав подобную версию предупреждения Миранды, Тони сделал еще один шаг назад. И в тот же миг что-то холодное и влажное - он ощутил это даже сквозь брючину - коснулось сзади его ноги.

Тони коротко взвизгнул и отпрыгнул в сторону аж на два с лишним ярда; прежде он и сам не знал, что способен на такой прыжок боком с места. Приземление вышло не очень удачным - под ногу подвернулась какая-то скользкая дрянь, Логан упал на одно колено и на руки, и, кажется, ободрал ладони об асфальт. Уже в следующий миг он понял, что, отступая, просто-напросто наткнулся на пожарный гидрант. Но понял он и нечто более важное: мертвый коп растерянно крутил головой, похоже, потеряв добычу из виду.

"Глаз! - несмотря на весь кошмар происходящего, здравый смысл Логана все же вновь включился в работу. - Он больше не связан с глазными мышцами, а значит, может смотреть лишь в одну точку... и, чтобы глядеть по сторонам, *оно* должно мотать головой... или поворачивать глаз пальцами..."

Однако до последнего варианта полицейский, похоже, не додумался, а на высоте своего роста подозреваемого не видел. Но Логан понял, что это дает ему лишь краткую отсрочку. Деваться с этой улицы некуда, рано или поздно этот... эта тварь сумеет его заметить. Причем чем дальше он успеет отбежать, тем скорее это произойдет. Неизвестно, конечно, насколько метко коп, в его нынешнем состоянии, способен стрелять... но проверять это совсем не хотелось.

Поэтому Тони героическим усилием переборол интуитивное стремление оказаться как можно дальше от мертвяка и, напротив, бросился на четвереньках прямо к нему.

Еще несколько часов назад Логану и в кошмарном сне не пришла бы в голову мысль напасть на полицейского. Но тогда ему и в кошмарном сне не представился бы *такой* полицейский... И, пожалуй, ни один поступок во всей его прошлой жизни не требовал и десятой доли такой смелости - причем вовсе не потому, что приходилось преодолевать табу законопослушного гражданина...

Тони оказался возле самых башмаков копа (кажется, они тоже были заляпаны не то грязью, не то кровью), все еще оставаясь вне поля его зрения. А затем резко вскочил прямо перед его лицом, схватил страшный глаз и со всей силы дернул, одновременно сжимая кулак. Шар холодной слизи лопнул у него в руке, как огромная гнилая виноградаина.

Логан тут же отпрыгнул назад, одновременно брезгливо стряхивая с ладони ошметки раздавленного глаза. Пальцы копа рванули его за рубашку и, кажется, оцарапали плечо, но так и не смогли удержать. Тони помчался по улице в сторону ближайшего перекрестка, шарахаясь из стороны в сторону, ибо не был уверен, что по нему не будут стрелять на звук. Но, кажется, ослепленный коп полез обратно в машину - возможно, чтобы вызвать подкрепление - наткнулся

на полуоткрытую дверцу (Логан услышал, как она захлопнулась), а затем, не найдя ручку, принялся бить кулаком в стекло.

Тони выскочил на перекресток и сообразил, что здесь уже пробегал, но на сей раз свернул в новом направлении.

Впрочем, он быстро пожалел, что свернул именно сюда.

Впереди, перегораживая левый тротуар и половину узкой улицы, стоял грузовик-мусоровоз. Стоял с потушенными огнями, не подавая никаких признаков жизни. Еще совсем недавно, разумеется, подобное зрелище не то что не испугало бы Логана, а вообще вряд ли привлекло бы его внимание. Ну разве что он удивился бы, что водитель поставил машину таким образом - косо развернув поперек улицы, упершись носом в дом слева и мешая движению как пешеходов, так и транспорта. Хотя здесь и сейчас никакого движения все равно не было... Но теперь никакая муниципальная автотехника уже не вызывала у Логана доверия.

Однако опасность сзади была более реальной, а свернуть все равно было некуда, так что Тони продолжал бежать вперед. В следующие секунды он понял, что мусоровоз давно заброшен. Его корпус, когда-то белый, изъела ржавчина, кабина зияла чернотой выбитых стекол, а шины давно сдулись и висели на ободах, словно гнилая плоть на костях трупa. Тем удивительнее было, что никто так и не убрал эту развалину с дороги... Впрочем, теперь Логана это уже не удивляло. А затем он разглядел, что, прежде чем самому превратиться в мусор, грузовик вывалил на дорогу свое содержимое. Черные пластиковые мешки валялись позади него и на проезжей части, и на правом тротуаре. Один все еще свисал сзади из кузова. Призыв не мусорить на дверце - одно из немногих мест на корпусе, где краска пока уцелела под натиском коррозии - выглядел на этом фоне особенно издевательски.

А пробежав еще несколько ярдов, Тони понял, что это вовсе не обычные мусорные мешки.

Они были вдвое длиннее и обвязаны грубыми веревками снаружи. А очертания того, что внутри, чертовски напоминало человеческие тела.

Логан затормозил так резко, что едва не упал. И тут же сзади до него донесся звук полицейской сирены.

Тони в отчаянии вновь рванулся вперед. Единственный путь лежал через черные мешки. Логан надеялся, что сможет перепрыгнуть через них, но в одном месте они лежали слишком плотно, и ему пришлось наступить разутой ногой на один из них. Под ступней продавилось и расплозлось что-то мягкое, и в мешке раздался неприятный звук, похожий на выдох захлебывающегося астматика. Еще два прыжка - и Тони метнулся влево, прячась от вероятной погони за грузовиком.

И тут же понял, что старался зря.

Впереди улица упиралась в глухую кирпичную стену какого-то огромного нежилого строения - не то складского, не то промышленного. Слева и справа - только закрытые двери офисов и магазинов. Больше бежать некуда.

Но даже не это наполнило Тони самым большим ужасом. Он оторопело смотрел не на преградившую путь стену, а на то, что за ней.

Туман развеивался на глазах; его кисея истончалась и рвалась, словно гниющий саван. И, проступая из тьмы, над стеной, над зубчатыми силуэтами крыш позади нее, над всем Нижним городом высились двумя исполинскими колоннами Башни-Близнецы, и их окна тлели тусклым, неровным багровым светом.

Звук сирены, вновь взывшей позади, вывел Тони из ступора. Его взгляд лихорадочно заметался по сторонам. Под грузовик? В кузов уже не успеет... или в кабину - но там как следует не спрячешься... Но, поглядев в сторону кабины, Логан увидел, что нос мусоровоза правым

углом не просто касается стены, а точнее - стеклянной витрины какого-то магазина, а продавил одну ее секцию. А правее за стеклом стояли неподвижные фигуры и смотрели прямо на Логана.

Но Тони даже не успел испугаться, он сразу понял, что это манекены. И у него мгновенно родилась идея встать среди них. В свое время, еще во время учебы в университете, он неплохо поразвлекся со своим факультетским приятелем в нью-йоркском музее мадам Тюссо: в комнате, изображающей вечеринку, где восковые фигуры не выстроены вдоль стен, а располагаются в непринужденных позах по всему залу вперемежку с посетителями, да еще и освещение полутемное, молодые люди застывали неподвижно до тех пор, пока какие-нибудь туристы не принимались их фотографировать - а затем внезапно двигались и наслаждались реакцией. Возможно, этот трюк сработает и сейчас - преследователям не придет в голову, что тот, за кем они гонятся, стоит прямо у них на виду. Хотя его одежда не в том состоянии, чтобы сойти за манекен - но и в витрине гораздо темнее, чем в музее. Вот только дверь магазина, естественно, закрыта - удастся ли протиснуться через разбитую витрину, между кабиной мусоровоза и хищно оскаленными острыми осколками стекла?

Времени размышлять над этим не было. Сирены он больше не слышал, но отсветы полицейской мигалки уже озаряли стены улицы и выщербленный асфальт, пробиваясь под грузовиком. Тони метнулся к витрине и успел заметить, что разбитое стекло изрядно заросло пылью. Впрочем, неудивительно, учитывая состояние самого грузовика... И только благодаря этой пыли Тони разглядел в темноте острый стеклянный зуб, изготовившийся располосовать ему горло. Более широкий осколок ниже готов был впиться в живот, не оставляя шансов пролезть в узкую щель без ущерба для собственных внутренностей.

В этот миг Логан почувствовал, что мертвые пальцы у него на запястье, с которыми он уже почти свыкся, шевельнулись, ослабляя хватку. Но на фоне всего прочего это даже не вызвало у него страха; напротив, он подумал со злобной радостью "очень кстати!" и, ухватив, в свою очередь, заморожено-твердую руку за запястье, ударил ею, словно бульжником, по преграждавшим путь осколкам. Стекло с грохотом обрушилось на тротуар; у Тони было ощущение, что это услышат не только в полицейской машине, но и в соседних кварталах, однако менять планы было поздно. Он прошмыгнул в витрину направо и замер за стеклом между манекенами девушки и маленького мальчика. Вот только чертова рука, демаскировавшая его едва ли не хуже, чем грязная и рваная одежда... Тони предпринял новую попытку отодрать ее пальцы и тут же понял, что никакой собственной волей они не обладают. Просто они, очевидно, начали оттаивать, оттого и хватка стала слабее... Тони хотел только отогнуть их, но они начали с хрустом ломаться, хотя кожа при этом уже не разрывалась. Он едва успел отшвырнуть искалеченную руку куда-то вглубь темного помещения магазина, как из-за кормы мусоровоза показался полицейский автомобиль, ехавший прямо по черным мешкам. И Логан оторопело уставился на него.

Это был не тот автомобиль, который Тони уже видел. Возможно, безглазый коп и в самом деле вызвал подкрепление, или же так просто совпало. Эта машина сошла с конвейера, самое позднее, в начале семидесятых, но вовсе не это заставило Тони таращиться на нее, не веря собственным глазам. Мигалок на ней не было. Точнее, были, но давно разбитые, и колеблющийся оранжевый свет исходил не от них. Машина *горела*. Вся ее задняя половина была охвачена огнем. Тони в ужасе смотрел на огненные языки, лижущие крышку бензобака, и с секунды на секунду ждал взрыва. Но взрыва не было. Автомобиль неспешно ехал вперед, как ни в чем не бывало (даже несмотря на то, что его задние колеса превратились в бесформенные обугленные ободы, вонявшие горелой резиной), и его водителя, похоже, не смущало происходящее прямо у него за спиной. (На сей раз, насколько Тони мог разглядеть сквозь грязное стекло, за рулем сидел черный, но Логан уже не был уверен, что это цвет его кожи от

рождения.) Хотя даже на передних сиденьях жар должен был быть невыносимым, а уж во что превратится задержанный, усаженный на заднее, Тони было страшно даже представить. Так что ему оставалось лишь замереть и не дышать, стараясь походить на манекен больше, чем сами манекены.

Машина медленно проехала мимо и двинулась дальше, не останавливаясь. Тони понимал, что опасность вовсе не миновала - сейчас она упрется в стену и поедет назад. Пламя озарило сквозь стеклянную дверь пыльный плакат, валявшийся на полу; некогда он, видимо, висел на этой самой двери или в витрине рядом. Прежде, чем дрожащий свет вновь померк, Логан, скосив глаза, успел разобрать крупные буквы:

МАГАЗИН ЗАКРЫВАЕТСЯ
НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНО ОСТАТЬСЯ!
СКИДКИ до 80%!
До 29 февраля

Последнее 29 февраля было больше двух лет назад. Впрочем, Тони уже не удивился бы, узнав, что этот магазин был закрыт еще на четыре года раньше. Или на восемь. Или... Уже один этот мусоровоз стоит тут, наверное, не первый год... если понятие года вообще имеет смысл в этом месте, где всегда полночь.

Сквозь мутные стекла слева снова пробился приближающийся свет пожара. Машина возвращалась обратно. Тони вновь одеревенело застыл, уставившись в одну точку.

Что-то зашуршало за его спиной. Не слишком громко, где-то на уровне пола. Крыса, сказал себе Тони. Но воображение упорно рисовало ему иное: оторванная рука, мучительно шевеля переломанными пальцами, пытается ползти по направлению к нему... И после того, *что* он уже повидал, такая мысль больше не казалась бредом.

Логан мысленно подгонял горящий автомобиль, но тот, наоборот, ехал все медленней и, наконец, встал как раз напротив витрины. Звук мотора не было - как не было его и при движении. Было только слышно, как потрескивает пламя. И Тони, обмирая от ужаса, заметил краем глаза то, чего не разглядел в прошлый раз, когда машина проезжала мимо другим боком: на охваченном огнем заднем сиденье кто-то *сидел*. Кто-то... или что-то... возможно, это был лишь черный обугленный скелет... но разве скелет может сидеть прямо, разве он не должен рассыпаться? Однако Тони боялся выдать себя даже движением зрачков и заставлял себя (хотя это было непросто) не смотреть в ту сторону. Хотя, конечно, если полицейский видит его зрачки, то должен видеть и более заметные признаки, отличающие его от манекена... начиная с состояния одежды... впрочем, если манекены пылятся в витрине заброшенного магазина не первый год...

"Все, что угодно, лишь бы он не заметил меня!" - мысленно взмолился Тони. Тут же он, впрочем, подумал, что эта формулировка чересчур опрометчива.

Машина тронулась с места. Она медленно объехала мусоровоз и скрылась из вида. Еще какое-то время из-за ржавого грузовика пробивались отсветы пламени, но затем улица вновь погрузилась во мрак. Может, это ловушка, и полиция еще вернется? Логан прождал для верности еще пару минут. Ничего не происходило.

- Уффф, - Тони, наконец, позволил себе расслабиться, чувствуя, как ноет все тело от деревянной неподвижности. И как же он все-таки замерз - впрочем, дрожь пробирала его не только от холода. Теперь ему хотелось двигаться, разговаривать, даже шутить. - Спасибо, что прикрыли, ребята, - обратился к манекенам. Почему их, интересно, так и оставили здесь после закрытия магазина, и даже не сняли с них одежду? Кстати, хорошая мысль! Женские и детские

вещи ему не подойдут, но тут и парочка мужчин имеется. Наконец-то оденется потеплее, да и брюки сменит... только бы размеры подошли... жаль, что на манекенах нет обуви...

Он решительно шагнул к ближайшей мужской фигуре, попытался снять с нее куртку... и понял, что перед ним вовсе не манекен.

Руки Логана лежали на плечах трупа. Мертвое лицо застыло в гримасе последней муки; из углов разинутого рта тянулись струйки засохшей крови, закатившиеся глаза незряче таращились двумя белесыми бельмами. "Почему он не падает?" - оторопело подумал Тони, отдергивая руки. Правда, недавний опыт подсказывал ему, что мертвецы могут не только стоять, но и водить машину... но интуитивно он чувствовал, что это не тот случай. Что это тело мертво по-настоящему. Трупное окоченение? Тело и впрямь было твердым, но, будь дело только в этом, оно бы, наверное, повалилось даже от легкого толчка...

Тони перевел взгляд вниз. И увидел между штанинами брюк, которые опрометчиво собирался позаимствовать, гладкий стержень металлического кола, на который был насажен этот несчастный. Бурые потеки - вероятно, не только крови - изгадили брюки и засохли на босых ступнях мертвеца и круглой опоре для одежной стойки, в которую было воткнуто основание кола. И, снова взглянув в ужасе ему в лицо, Логан скорее угадал, чем разглядел в черной яме разинутого рта верхний острый конец кола, упершийся в небо.

Тони шарахался от одной стоячей фигуры к другой, уже зная, что всюду найдет одно и то же. Полдюжины в этой витрине и еще, кажется, не меньше в той, что по другую сторону от двери... Мужчины. Женщины. Дети. Каждый был насажен на кол, тщательно подогнанный под его рост и прошедший точно через горло, а не вылезший где-нибудь между ребрами или из-под ключицы, как это нередко бывает при таких казнях. Кто бы это ни сделал, палачи, очевидно, подошли к делу с большим прилежанием и вниманием к деталям.

Когда это произошло? Магазин заброшен годы назад, но тела выглядят свежими, даже трупное окоченение еще не прошло... впрочем, много ли Тони знает о том, что происходит с мертвыми телами *здесь*?

Что-то вновь зашуршало у него за спиной. Но на сей раз он стоял спиной не к бывшему торговому залу, а к улице.

Тони резко обернулся. И увидел, как один из черных мешков - кажется, избежавший колес полицейского автомобиля - сгибается пополам и садится на мостовой. Гнилые веревки, обвязывавшие его ноги и торс, натянулись и лопнули; осталась только разлохмаченная петля на шее. Если, конечно, то, что внутри, имело торс, ноги и шею - но в этом Логан уже не сомневался... Следом зашевелился еще один мешок, и еще...

Тони в панике озирался по сторонам. Он не знал, могут ли они выбраться из своих мешков и испытывают ли интерес к его персоне, но мысль подождать и проверить выглядела совершенно безумной. Однако и мысль прорываться сквозь *них* также наполняла его непреодолимым ужасом. Бежать - но куда? Мусоровоз и *эти* отсекали ему путь назад, с другой стороны тупик... разве что вглубь магазина, но кто сказал, что они не последуют за ним туда? Если бы хоть какое-то оружие... он уже убедился, что здешним, гм, обитателям можно причинить вред... Да вот же - колы! Пусть и не осиновые... но, во всяком случае, те, кто на них насажен, остаются мертвыми. Впрочем, эти, в мешках, тоже долгое время оставались...

Однако размышлять было некогда. Первая из запеленутых фигур уже поднялась во весь рост и мелкими, но частыми шажками - насколько позволял мешок - двинулась по направлению к Логану. Прочие тоже двигались... даже те, по которым проехала горячая машина - они не могли встать и корячились на асфальте, а затем принимались ползти, как огромные черные гусеницы.

Тони метнулся к трупу десятилетней девочки. Колы, на которые насадили взрослых,

были слишком громоздки, а вот этот как раз подойдет... Вцепившись в одеревеневший труп, Логан с усилием потащил его вверх, надеясь освободить кол, но вместо этого кол выдернулся из основания, оставшись в теле. Не то он приклеился там, внутри, не то его удерживали спазматически сжавшиеся мышцы трупа... Тони бросил мертвую девочку на пол, затем, ухватившись за заляпанный бурым нижний конец кола, перевернул ее вниз головой и наступил обутой ногой на подбородок. Черные фигуры приближались, и он уже не думал ни о брезгливости, ни, тем более, о жалости, лихорадочно дергая застрявший кол. Тот, наконец, отлип с отвратительным чавкающим звуком и, проскрежетав металлом по кости, сдвинулся с места. Но первая из фигур в мешках уже была возле самой витрины. Логан, волоча за собой труп, постепенно сползающий с кола, отбежал на несколько шагов вглубь магазина. Еще пара рывков - и Тони удалось полностью высвободить грязный металлический стержень. Как раз вовремя, чтобы размахнуться и ударить острием в грудь подступившей фигуры.

Кол вонзился с ощутимым сопротивлением, но все же легче, чем ожидал Логан, и проткнул *это* насквозь. Видимо, то, что внутри мешка, было уже изрядно гнилым. Но вот выдернуть орудие обратно оказалось труднее. Тони едва успел это сделать, чтобы ударить в горло другую фигуру, уже подступившую сбоку. Та повалилась назад, но первая, хотя и прободенная, еще стояла. Логан наотмашь ударил ее колом по голове, опрокидывая назад, а затем пырнул в живот третий "мешок", подобранный справа. Раздался мерзкий хруст - видимо, острие угодило в позвоночник, и фигура сложилась пополам, а затем сползла с кола на пол. Из проткнутых мешков ползла тошнотворно-тяжелая вонь, но спереди, слева и справа уже приближались новые, и Тони, вновь перехватив кол, как дубину, принялся лупить их по головам - так получалось быстрее. Он слышал, как с мокрым треском лопаются черепа, но некоторые все равно падали лишь после второго или третьего удара. Тони крутился на месте, как бешеный, раздавая удары налево и направо; вскоре он почувствовал, как его руки и плечи, непривычные к такой работе, наливаются свинцовой болью. Он понял, что долго так не выдержит; впрочем, большинство фигур в мешках уже валялись неподвижно на полу магазина и на улице перед ним. Еще несколько ударов - и Тони смог перевести дух. Кажется, первая волна отбита. Правда, те, что так не смогли подняться на ноги, подползли уже вплотную к магазину, но их, пожалуй, прикончить будет еще легче...

Что-то вцепилось Логану в правую лодыжку.

Тони резко перевел взгляд вниз, автоматически занося кол для удара. Его ногу сжимали пальцы девочки, которую он снял с кола. Она подползла к нему сбоку, оставив за собой кроваво-слизистый след из ошметков вывалившихся внутренностей; мертвое лицо, на котором так и сохранялась неподвижная гримаса агонии, было задрано вверх. Логан ударил острием кола прямо в это лицо, угодив в правый глаз (металл пробил глазницу и царапнул о череп изнутри); затем выдернул кол и ударил снова - на сей раз разрубая запястье вцепившейся ему в ногу руки. Холодные пальцы ослабили хватку; Тони для верности дважды топнул по ним единственным оставшимся у него каблуком и отпрыгнул вбок, торопливо озираясь по сторонам.

Прочие "манекены" оставались недвижны - как видно, колы и в самом деле не позволяли им ожить. Но вот то, что валялось на полу в мешках, вновь начало шевелиться.

Тони понял, что любые увечья, которые он наносит им - это лишь временная отсрочка. Нельзя убить то, что уже мертво. Значит, единственный выход - бегство. Может быть, в глубине магазина есть выход, ведущий на соседнюю улицу. Или хотя бы служебные помещения с выходящими туда окнами. И он побежал во мрак торгового зала, каждый миг ожидая, что наткнется в кромешной темноте на что-нибудь... или на кого-нибудь. И он действительно налетел боком на пустую стойку для одежды, которая с лязгом рухнула на пол - но больше ему не попалось на пути ничего, кроме мелкого мусора на полу, пока, наконец, его вытянутый

вперед кол не ударил в стену. Тони быстро двинулся вдоль стены, ощупывая ее левой рукой в надежде отыскать дверь - но вместо дверной ручки наткнулся на рычажок выключателя. Он повернул его, в полной уверенности, что это бесполезно; однако раздался электрический треск, и над головой у Логана зажегся свет. О нет, не полное освещение торгового зала, а всего лишь одинокий плафон, горевший к тому же тускло и неровно, да еще и обросший толстой шубой пыли и грязи. Но и этого света было достаточно, чтобы разглядеть дверь дальше в стене... и мертвеца, преградившего путь к ней.

Он стоял прямо перед Тони, на расстоянии вытянутой руки. Его вид был ужасен. Лица фактически не было: изъеденное крысами, оно превратилось в сплошное кровавое месиво, безносое и безгубое. С черепа свисали отдельные клочья кожи и волос - а где-то, напротив, сквозь мясо проступали кости. Одежда болталась грязными лохмотьями, оголенные зубы злобно скалились, а обгрызенные пальцы сжимали какое-то окровавленное оружие... Не думая ни мгновения, Тони ударил стальным острием прямо в эту кошмарную маску.

Она разлетелась на куски со стеклянным грохотом. Логан оторопело смотрел на голую стену перед собой и на осколки разбитого зеркала.

Только теперь он понял, почему никак не может согреться.

Двое рабочих в ярко-желтых жилетах и оранжевых касках стояли на покрытой многолетним слоем грязи и мусора платформе.

- Ф-фу, ну и мерзость, - сказал тот из них, что моложе, отводя луч своего фонаря от того, что лежало перед ними. - Не знаю, когда теперь смогу снова есть мясо.

- Да, крысы его хорошо обработали, - невозмутимо подтвердил старший. - Если у него нет при себе документов, трудновато будет опознать. Ну, это уже не наша забота, это пусть судебные медики разбираются. Вот уж у кого работка не сахар. Никогда не понимал людей, которые по доброй воле туда идут.

- По-моему, они просто извращенцы, - заявил младший и в то же время не удержался от еще одного взгляда туда, куда продолжал светить его старший коллега. - Как думаешь, от чего он умер?

- Сел не на тот поезд.

- В смысле?

- Не обращай внимания. Шучу. Сердце, небось... или что-нибудь в этом духе. На криминал вроде не похоже. Хотя я уже сказал - пусть полиция разбирается.

- Чего я не могу понять, так это как он вообще сюда попал. Нижний уровень "Сорок второй" закрыли, кажется, еще до моего рождения.

- Угу, в восемьдесят первом.

- Вот. Уже даже и верхние части лестниц демонтированы, а входы запечатаны. Через туннель, разве что... но кто его сюда пустил?

- Пролез как-то, - пожал плечами старший. - Всегда находятся придурки, которых хлебом не корми, дай залезть на заброшенную станцию. Романтики им, видишь ли, не хватает. Хотя какая тут романтика? Грязь одна.

- Значит, это правда... - пробормотал младший.

- Что правда?

- Что на заброшенных станциях подземки иногда находят трупы. Я слышал, но считал городской легендой.

- Людям, знаешь ли, вообще свойственно умирать, - философски заметил старший. - Некоторые делают это в подземке. Ничего необычного. Ладно, пошли. Нам платят не за разговоры.

2011

Примечания

Надписи "Uptown and Bronx" и "Downtown and Brooklyn" действительно присутствуют на станциях Мэнхэттена. Они означают северное и южное направление, соответственно. Слово downtown в значении "деловой/исторический центр города" пошло именно от нью-йоркского "нижнего города" - южной части Мэнхэттена.

"Город никогда не спит" - неофициальный девиз Нью-Йорка

В сентябре, с учетом летнего времени, астрономическая полночь в Нью-Йорке наступает в 0:56 (12:56 a.m.)

Уровень шума в вагонах нью-йоркской подземки не очень высокий и действительно позволяет разговаривать.

Станции, через которые идет поезд, или отдельные их уровни и платформы, закрыты много лет назад. В частности, "Сити Холл" - станция, на которой в 1904 году состоялось открытие нью-йоркской подземки - была закрыта в 1945. Не все они находятся на одной линии. При этом в большинстве случаев существуют и действующие станции с теми же названиями.

Эдвард Лучиано (Edward Luciano) - машинист, виновник самой крупной катастрофы в истории нью-йоркской подземки, произошедшей 1 ноября 1918 года. Ее жертвами стали 93 человека.

Система нумерации нью-йоркских (как и вообще американских) домов - не сплошная, а поквартальная: последние две цифры - номер дома в пределах квартала (отрезка между двумя пересекающимися улицами), предыдущие - номер квартала. Названия улиц чаще всего обозначаются лишь на указателях на перекрестках.

Nails по-английски - и ногти, и гвозди.

Английское bag означает сумку или пакет любого размера, включая и продуктовые, и мешки для трупов.

NYPD - Нью-йоркский Полицейский Департамент. Courtesy - Professionalism - Respect [Вежливость - Профессионализм - Уважение] - девиз на машинах нью-йоркской полиции. Cruelty - жестокость. Английское profanation более многозначно, чем русское "профанация": это и опошление, и осквернение, и богохульство. Rampage - ярость, буйство, беспредел.